

ГРИГОРИЙ САРБАЕВ

ТТЗ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ННЯТАЯ СОВЕСТЬ
НИКИ ПРАКТИКУЮЩЕГО АДВОКАТА

18+

Григорий Михайлович Сарбаев

Нанятая совесть. Хроники практикующего адвоката

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33754934

SelfPub; 2018

Аннотация

Этот сборник рассказов калейдоскопом расцветит узоры непростых жизненных ситуаций, которые могут произойти с каждым из нас, и покажет рецепты выхода из них. Рассказы содержат факты, о которых мы обычно не задумываемся: сколько преступлений на самом деле раскрывается в стране или каков реальный процент оправдательных приговоров, как на самом деле работают правоохранительные органы и суды... Эта книга для тех, кто решится взглянуть на мир глазами присяжного поверенного и, поставив себя на место адвоката, готов испытать то, что он чувствует в схватке с агрессивной государственной машиной во имя спасения человека. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
Благодарности	9
Вступление	12
Защита против зла	22
Битая, на ходу	44
Неравный развод	60
Подкованная оферта	82
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Григорий Сарбаев

Нанятая совесть. Хроники практикующего адвоката

Предисловие

С большим удовлетворением представляю читателям и общественности молодого, очень перспективного адвоката, занимающего активную и справедливую жизненную позицию.

Григорий Сарбаев поступил в Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, который я имел честь возглавлять на протяжении двадцати лет, в 1992 году. Молодой, амбициозный, жадно тянущийся к знаниям студент почти сразу обратил на себя внимание. Достаточно сказать, что он за короткое время, обучаясь исключительно на «отлично», прошел путь от председателя студенческого совета юридического факультета до председателя студенческого научного общества всего университета, которое и возглавлял три года. Неоднократно был победителем научных конкурсов, стал персональным стипендиатом нашего вуза.

Сначала по долгу службы, а потом в качестве наставника и учителя, выкраивая время из напряженного графика рек-

тора и члена Совета Федерации РФ, я общался с ним, обсуждал пути развития студенческой науки, социальной защиты молодежи. Мы на совместных заседаниях ученого совета и студенческого научного общества решали вопросы оптимального материально-финансового обеспечения и укрепления технической базы студенческой науки, содействия росту квалификации преподавателей – научных руководителей, расширения студенческих научных связей с вузами России, зарубежных стран.

На основе проведенной совместной работы наш вуз вышел на первое место в Поволжье по развитию студенческой науки. На конференции, методологические и методические семинары, круглые столы приезжали студенты со всей России и из-за рубежа. Мы, со своей стороны, командировали активных, лучших студентов на всероссийские и международные симпозиумы. И это несмотря на труднейший период в жизни нашей страны, когда высшие учебные заведения находились в кризисе. Как ректор, я понимал и всегда по возможности всемерно помогал молодёжи, активно участвовал в жизни студенчества, прекрасно зная, что в руках ребят, которые делали первые шаги в профессиональной сфере, будущее России.

Григорий закончил университет с красным дипломом, и мне отрадно было видеть, как шаг за шагом происходило становление молодого, перспективного юриста. Прекрасные личные качества плюс полученные в высшей школе знания

и умения, организаторские способности стали залогом его профессионального и карьерного роста на многие годы.

Сейчас Григорий Сарбаев – практикующий адвокат, известный в столице и далеко за ее пределами.

Мы общаемся друг с другом на протяжении уже более четверти века. Сегодня он вместе со мной участвует в Ассамблее народов России и Евразии. Он активный участник процесса формирования культурно-патриотической и культурно-экологической стратегии России, возглавляемого всемирно известным экологом и общественным деятелем академиком Н. Н. Дроздовым.

Мне очень приятно отметить, что он не теряет связи с родной Чувашской республикой. Помогает будущим юристам во всем, в особенности в прохождении практики в московском адвокатском бюро «ЗаконоведЪ».

С огромным удовольствием хочу подчеркнуть, что, несмотря на занятость, у молодого адвоката хватает сил и времени на то, чтобы обобщить опыт своей активной правовой деятельности. Ознакомившись с рукописью книги, я в очередной раз убедился в том, что Григорий Сарбаев является, по моему мнению, одним из лучших адвокатов нашего времени.

Прочтя книгу с нескрываемым чувством радости, я понял, что, несмотря на прошедшие годы, Григорий сохранил юношеский пылкий ум, наблюдательность, не огрубел душой, к тому же проявился как писатель, ставящий целью по-

знать человека, заставить его задуматься, стать лучше. Хочу заметить, что только человек искренний, духовно и нравственно богатый, с добрым сердцем может написать такую книгу, где «сфотографированы» судьбы людей, показаны их проблемы, а самое главное – подсказаны пути их решения.

За свою жизнь мне посчастливилось написать множество книг, но самая первая запоминается особо и навсегда. На мой взгляд, первая книга Григория Сарбаева получилась достойной. Глубоко убежден и уверен, что он еще порадует нас своими новыми художественными и научными произведениями.

Уважаемые читатели, очень прошу при прочтении дебютной книги моего ученика не судить его строго, а зарядиться положительной энергетикой, верой во Всевышнего и себя, приобрести новые знания и опыт, которые вам помогут идти по жизни, преодолевая объективные и субъективные трудности, которые возникают в судьбе любого человека. Искренне желаю всем вам добра и благополучия, а автору книги – творческих успехов и большого человеческого счастья.

*С глубоким уважением к читателям и автору,
президент Международной академии глобального
информационного управления,
академик Российской академии образования,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный работник высшей школы Российской*

*Федерации,
лауреат Премии Президента Российской Федерации
Лев Кураков*

Благодарности

Благодарю Тебя, Господи, что сподобил меня, грешного, написать и издать книгу!

Многие люди помогали мне на жизненном пути, а также в работе над этим сборником рассказов. Мои дорогие, всем говорю большое спасибо!

Прежде всего благодарю жену Татьяну, за настоящую любовь, энергичную помощь и безмерную поддержку. Я очень люблю ее, и она – моя жизнь.

Сердечное спасибо нашим детям, которые являются неиссякаемым источником вдохновения, – Юлии, Таисии и Михаилу. Вы побудили меня взяться за перо, в надежде на то что мое сочинение поможет вам лучше понять жизнь.

Низкий поклон моим замечательным родителям: отцу Михаилу Григорьевичу, покинувшему этот мир, но живущему в моем сердце, маме – Галине Филипповне, папе и маме жены – Александру Петровичу и Галине Сидоровне Ильиным.

Выражаю душевную благодарность протоиерею Григорию (Ивануса), протоиерею Александру (Федотову), протоиерею Димитрию (Можаеву), иеромонаху Филофею (Гетта), иеромонаху Николаю (Генералову), иеродиакону Косме (Назаренко).

Огромное спасибо моим выдающимся учителям: акаде-

мику, доктору экономических наук, профессору Льву Пантелеймоновичу Куракову, доктору философских наук, профессору Валентине Николаевне Кириллиной, доктору юридических наук, профессору Людмиле Ниловне Линик, кандидату юридических наук, действительному государственному советнику РФ Михаилу Сергеевичу Тимофееву.

Отдельно благодарю президента Федеральной палаты адвокатов России Юрия Сергеевича Пилипенко и президента Адвокатской палаты г. Москвы Игоря Алексеевича Полякова.

С уважением выражаю признательность кавалеру ордена Мужества Сергею Николаевичу Юрченко.

Выражаю глубокую благодарность лично Андрею Николаевичу Малахову и всему творческому коллективу ток-шоу «Андрей Малахов. Прямой эфир» (ранее – «Пусть говорят»), в том числе Екатерине Викторовне Бучумовой, Елизавете Александровне Борзенковой, Дмитрию Михайловичу Филимонову, Егору Ярославовичу Яцыне за высокий профессионализм и внимание.

Искренне признателен специальному корреспонденту «Первого канала» Ольге Александровне Фоминой.

Спасибо тем, кто оказал большое влияние на мое становление как профессионала, – Николаю Ивановичу Иванову и Александру Михайловичу Воротникову.

С радостью благодарю за участие и поддержку моих друзей и близких Марину Васильевну Бортникову, Константина

Львовича Степанова, Сергея Ивановича Коваленко, Любовь Дмитриевну Талалаеву, Марину Николаевну Шафранскую.

Большое спасибо прекрасным семейным парам Николаю Александровичу и Светлане Анатольевне Серкиным, Борису Романовичу и Ирине Васильевне Марголиным, Кириллу Валерьевичу и Татьяне Юрьевне Рудаковым, Антону Валерьевичу и Юлии Борисовне Рудаковым.

«Тода раба» Екатерине Владимировне Райс, Герману Файвуловичу Либерману и Евгению Яковлевичу Гринштейну.

Эта книга увидела свет благодаря талантливым и бесконечно терпеливым профессионалам: литературному редактору Игорю Робертовичу Кузнецову, корректору Татьяне Алексеевне Гарбузовой, дизайнеру Дмитрию Игоревичу Сырову, а также оказавшим неоценимую помощь в подготовке рукописи к изданию Екатерине Владимировне Дориенко и Марине Леонидовне Ивановой. Высоко ценю ваше участие и премного вам благодарен!

Выражаю особенную благодарность держащим в руках эту книгу,

вам, мои дорогие читатели!

Ваш живой интерес к моему творчеству крайне для меня важен,

и я вам очень признателен.

Спасибо!

Вступление

Адвокатов все ненавидят – пока они не понадобятся.

И тогда их начинают ненавидеть по-настоящему.

Кристофер Бакли

Есть три профессии, которые принято считать наиболее близкими к людям. Это священник, врач и адвокат. Они знают о нас очень много, при этом, кроме них, иногда никто другой не способен помочь в трудную минуту. Они обязаны прилагать все возможные (а порой и невозможные!) усилия для спасения человека. Именно у них существует понятие профессиональной тайны, которая у врачей и адвокатов охраняется законом. Священник же, соблюдая тайну исповеди, не может, например, быть присяжным, его нельзя допросить в суде по обстоятельствам, которые стали ему известны благодаря исповеди.

Но если к врачам и священникам общество относится более или менее благосклонно, то адвокатов не любят.

Да и за что их любить? После визита к врачу вам становится легче, выходя от священника, вы духовно обогащаетесь, исповедь очищает от грехов. Что может дать человеку адвокат? В лучшем случае – восстановление положения, в котором он пребывал до обращения к стряпчему. Как он

был на свободе, так там и остался. Как полагал свои требования к контрагенту справедливыми, так и случилось. Суд лишь подтвердил его правоту, адвокат просто оформил все бумажки на правильном юридическом языке. По сути, подтвердилось то, что человеку безо всякого суда и присяжного поверенного и так было ясно.

А если произошло обратное? Тогда: «Вар, возврати мне легионы мои!» В смысле, верни свободу, честное имя, затраченные нервы и, конечно же, деньги. С другой стороны, некоторые дельцы от адвокатуры поднаторели в предъявлении клиенту «аптекарских счетов», как говаривали в царской России про желающих содрать побольше. В советские времена придумали новый термин, состоящий из аббревиатуры слов «максимальное использование клиента сверх таксы»: микст. Справедливости ради отмечу, что это явление в среде защитников возникло не на пустом месте, а в результате огромного желания некоторых клиентов-гарпагонов «дать лычко, чтобы получить ремешок».

Вместе с тем профессия учит адвокатов неприемлемой остальным обществом изворотливости, что отражено в известном американском анекдоте:

«Умиравший старик вызывает трех самых важных людей в своей жизни: доктора, пастора и адвоката.

– Скоро я умру. Вы – самые важные люди в моей жизни. Я всегда относился к вам хорошо, и вы отвечали мне тем же. Сегодня я собрал вас, чтобы попросить о последнем одолже-

нии, дабы вы продемонстрировали отношение ко мне и после моей смерти. Каждому из вас выдам по конверту с пятьюдесятью тысячами долларов. Когда умру, то бросьте полученные деньги в могилу.

Через несколько дней, как старик умер, доктор признался двум другим:

– Я бросил не все деньги, поскольку он был мне должен за лечение. Десять тысяч сохранил себе. Но остальные бросил в могилу.

Пастор, вздохнув, сказал:

– И я половину денег оставил для костела, в нем будет звучать молитва об усопшем. Это благое дело. Вторую половину опустил в могилу.

Оба посмотрели на адвоката.

– Не верю ушам своим! – возмущенно сказал адвокат. – В отличие от вас, я поступил честно. Выписал чек на всю сумму и положил в могилу».

Существует парабола благодарности клиента адвокату. Она демонстрирует «степень» благодарности клиента в зависимости от этапа дела.

Этапов всего три:

1. На этапе обращения к адвокату: «Лёлик, все пропало, гипс снимают, клиент уезжает!», то есть: «Мне никто не сможет помочь!».

2. На этапе победы: «Ну, ты гений!», с характерным пока-

чиванием головой.

3. После победы, когда прошло пару недель: «Да что там было-то! Я бы и сам справился!».

Зачастую пережитый стресс и вовсе не позволяет в полной мере оценить усилия адвоката, и клиенты, игнорируя второй этап, сразу переходят к третьему.

Тем более если победа не абсолютная.

Тогда всю горечь человеческой обиды за то, что жизнь клиента не будет прежней, за его страх, за «неадекватную» оценку ситуации со стороны далеких и близких ему людей, да мало ли за что еще, принимает на себя адвокат.

При этом я не говорю сейчас о факте невиновности клиента или о его виновности. Хотя реальное преступление и устанавливает водораздел, навсегда делящий жизнь человека на «до» и «после».

Помню, как защищал в суде пожилого бизнесмена, который обвинялся в присвоении бюджетных денег и мошенничестве с акциями предприятия, которое он возглавлял в советское время, а после приватизации стал, как водится, его владельцем. Бизнесом давно уже рулили сыновья, но он продолжал «держатъ штурвал», непонятно зачем оставаясь генеральным директором. Большой коллектив был взбудоражен известием об уголовном преследовании шефа, да и сам он, несмотря на множество улик, стараясь сохранить лицо перед многочисленными знакомыми и родней, ни в чем не

признавал себя виновным. Исходя из этой позиции строилась и адвокатская защита. В итоге прокуратура запросила пять лет реального срока и многомиллионный штраф. Суд, хотя и признал его виновным по двум предъявленным обвинениям, определил наказание в виде четырех лет условного срока лишения свободы, без штрафа. Прокурор сообщил, что мера наказания его ведомство вполне устраивает и обжалования не последует.

Судья закончил чтение приговора только к вечеру второго дня. Измотанные, мы с клиентом и его многочисленной родней вышли на улицу. И тут он дал волю эмоциям, которые держал в себе на протяжении всего многомесячного процесса. Он был, естественно, не виновен, и суд должен был это подтвердить. В том, что этого не произошло, виноват, конечно же, адвокат. Я молча курил сигареты одну за одной, слушая, кто я есть на самом деле. Досада от несправедливых упреков была тем горше от того, что я затратил много сил, нервов, дело пропустил через себя, понимая, что реальный срок для этого немолодого человека может стать смертным приговором.

В конце концов, успокаивал тогда себя, выслушать такое про свою персону даже полезно. Такое лекарство от гордыни. Однако постепенно в сольное выступление клиента стали вплетаться голоса родственников, и вскоре действие переросло в подобие советского товарищеского суда над адвокатом. Чаша моего терпения переполнилась:

– Хватит меня пилатить!

Они не поняли.

– Я сказал: хватит. Несмотря на всю тяжесть обвинений и изрядную доказательную базу, я смог добиться для вас условного срока без каких-либо штрафов. При этом вы все равно собирались наконец-то уйти на пенсию. Даже отмечаться судья определил вам раз в три месяца, а не каждую неделю. Но если вас не устраивает приговор, то предлагаю подать апелляцию. При этом имейте в виду, что она может повлиять не только на смягчение или отмену приговора, но и на позицию прокуратуры, просившей реальный срок и штраф. – Я сделал паузу, внимательно оглядев в один миг притихших обвинителей. – Подаем?!

Дальше все напоминало знаменитую сцену из «Золотого тельца», когда Остап Бендер в фуражке милиционера выкрикал из толпы свидетелей преступления Паниковского: «...все правдолюбцы как-то поскучнели, глупо засуетились и стали пятиться. В толпе образовались промоины и воронки. Она стала разваливаться на глазах»¹.

Через несколько минут я одиноко курил в темноте перед зданием суда. Два чувства в этот момент жили во мне, смешиваясь, сталкиваясь, борясь между собой: гордость от заслуженно одержанной трудной победы и горечь от несправедливой ее оценки. А победило, как иногда бывает, третье чувство: простой и очень сильной усталости.

---

¹ Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М.: Художественная литература, 1971.

Людам также свойственно преувеличивать свои заслуги и достижения, оставляя адвокату роль если не свидетеля, то всего лишь «соучастника» в процессе осуществления их собственноручно построенной грандиозной защиты.

Помню, как ценой бессонных ночей, сбора доказательств, анализа практики смог на суде скостить доверителю два года. Прокуратура запрашивала пять лет, но благодаря переквалификации деяния суд определил ему три года. Освободившись, подзащитный собрал «корпоратив», на который позвал и меня, что само по себе достойно уважения: обычно после таких перипетий людям бывает тяжело вспоминать не самые приятные периоды в своей жизни, и они стараются оборвать отношения с поверенным.

Торжество было помпезное, достаточно упомянуть шоколадный фонтан и арфистку в паре с золоченой арфой.

Мой бывший клиент произнес перед многочисленными гостями и такой тост: «Выпьем за то, что я все-таки смог украсть у них (*имеются в виду сотрудники пенитенциарной системы.* – Прим. авт.) один день!» Далее последовала умопомрачительная история о том, как в результате бюрократической неразберихи его освободили из колонии на один день раньше отмеренного срока. Рассказывая об этом, он встретился взглядом со мной, скромно сидящим где-то с краю за этим обильным большим столом.

В воздухе повисла пауза, и гости подняли очи от тарелок к выступающему.

«Ах да, кстати... – как бы спохватившись, промолвил виновник торжества. – Здесь присутствует мой адвокат... Так он смог скостить мне два года, да».

Недоуменные взгляды перешли с виновника на мою скромную персону, рюмки и фужеры потянулись ко мне, а замечательный тост про один день оказался сильно смазанным.

С другой стороны, у меня нет слов для описания взгляда женщины, муж которой вместе со мной выходит навстречу ей из зала судебных заседаний, куда несколько часов назад его привезли под конвоем из тюрьмы. В такие моменты солнце ярче, листва зеленее и небо ослепительно-синее.

Достоевский назвал адвокатов «нанятой совестью». Может быть, это и так. Не мне судить, насколько это правильно, но одно знаю точно: лично я веду каждое дело, имея понятие о совести. А также о справедливости и чести, как бы высокопарно это ни звучало. Хотя Федору Михайловичу также принадлежит мысль о том, что «избежать фальши и сохранить чистоту и совесть адвокату так же трудно, вообще говоря, как и всякому человеку достигнуть райского состояния». На практике получается по-разному, как говорится, «хорошо море с берега». А «в плавании» иногда сам себя ругаешь, иногда хвалишь.

Эта книга – попытка сделать несколько стоп-кадров из

жизни адвоката, чтобы вы смогли разглядеть за «бездушным стряпчим» человека, который так же, как и вы, переживает, страдает и радуется.

Молва утверждает, что мы бесчувственны, циничны и безразлично относимся к судьбе клиента. Наверное, и такие персонажи встречаются в нашей профессии. Однако я полагаю, что мои коллеги поддержат меня в том, о чем говорили великие адвокаты прошлого: мы не можем, не должны устраняться от собственных принципов, чувств и эмоций.

Более ста двадцати лет назад один из самых известных адвокатов-писателей царского времени, Владимир Данилович Спасович, сказал по этому поводу: «Мы погибнем, когда в нашу среду проникнет дух филистерства, циническое отношение к делу; когда утвердится понятие, что все дела по содержанию для нас безразличны; что обязанности поверенного исполнены, когда он отправил добросовестно дело; когда искусство превратится в ремесло, а мы сделаемся наймитами, подряжающимися говорить, диалектиками и софистами или брехунцами, как называет своих адвокатов малоросс. Все наше дело получит тогда промысловый характер»².

Эту же мысль повторила одна из самых известных адвокатесс-писательниц советского периода, Дина Исааковна Каминская: «Чувство ответственности за судьбу подзащитного, как и чувство сострадания к нему, знакомо каждому ад-

---

² Спасович В. Д. Застольные речи в собраниях сословия присяжных поверенных округа С.-Петербургской судебной палаты (1873–1901). Лейпциг, 1903.

вокату. Именно по этому признаку, я думаю, проходит водораздел между подлинной адвокатурой и ремесленниками в адвокатуре»³.

И сегодня на страницах своей книги я подтверждаю: исключительно тот защитник, который ведет дело, вкладывая в него часть своей души, сопереживая доверителю, ведет с чувством должной ответственности за жизнь и судьбу подзащитного, может быть в полной мере причислен к нашей замечательной и незаменимой профессии, смысл которой – защищать человека. Только такой юрист достоин называться адвокатом.

---

³ Каминская Д. И. Записки адвоката. М.: Новое издательство, 2009.

Защита против зла

Самая надежная защита против зла состоит в крайнем индивидуализме, оригинальности мышления, причудливости, даже – если хотите – эксцентричности.

То есть в чем-то таком, что невозможно подделать, сыграть, имитировать; в том, что не под силу даже прожженному мошеннику.

Иосиф Бродский

Марк, большой, грузный мужчина пятидесяти пяти лет, сидел на привинченной к полу узкой скамейке и смотрел поверх очков в тонкой золоченой оправе на стол. Там, контрастируя с грязно-синими стенами, лежало два красно-желтых яблока.

Сквозь немытое зарешеченное окно комнаты встреч с адвокатом бил солнечный полуденный свет. Через открытую маленькую форточку было слышно летнее щебетание птиц.

На дворе стояло 19 августа, Преображение Господне, или яблочный Спас.

Освященные яблоки, лежащие сейчас на столе в СИЗО, дал мне утром мой духовник и тезка, протоиерей Григорий, по просьбе которого я защищал Марка.

– Как там Марк? – тремя часами ранее спросил он меня после литургии. Выслушав неутешительный ответ-отчет, он

помолчал, потом взял с праздничного стола два освященных яблока, подержал их в руках и дал мне. – Отнеси ему, по здравь с праздником. Пусть порадуется.

Я раскрыл было рот – объяснить бабушке, что сегодня ехать в СИЗО не планировал, к тому же мне нельзя таскать продукты подзащитным. И если эти яблоки найдут, то меня, мягко выражаясь, по головке не погладят, скорее произойдет обратный глажению процесс. Но осекся. В конце концов, «послушание – важнее молитвы», как говорят в монастырях. «На волю Божию. Найдут, значит, так тому и быть», – подумал я и с поклоном принял яблоки у протоиерея.

Марк аккуратно взял яблоко и, подержав его в руках, начал есть. Второе он дал мне. Мы молча, не спеша ели яблоки, празднуя Преображение Господа нашего Иисуса Христа, произошедшее на горе под названием Фавор. «Быть в Фаворе», «фаворит» – это все оттуда.

Христос сказал, что посещать заключенных – это сотворить доброе дело лично Ему: «в темнице был, и вы пришли ко Мне»⁴. Адвокат часто посещает своих клиентов в тюрьме, но не в качестве частного лица, а по долгу службы. И тот случай был едва ли не единственным за всю мою практику, когда я пришел на встречу с подзащитным исключительно ради человеческого участия. «Получается, – подумалось мне, – что от этого визита Марку стало хоть немного легче и мне вместе с ним, поскольку я выполнил евангельскую заповедь,

---

⁴ Евангелие от Матфея, 25: 31–46.

сам того не понимая. Вот так батюшка...»

– Гриш, сколько мне дадут? – глядя куда-то в форточку, спросил Марк.

Господи, сколько раз я слышал этот вопрос! И что мне сказать ему? Я не следователь, не прокурор и тем более не судья. Но я – его адвокат, и поэтому спросить такое он может только у меня.

– Четыре года, – стараясь не интонировать, сказал я.

Через пять минут такой же спокойный голос Марка прервал паузу:

– Хорошо, я посижу.

Слово «преображение» по-гречески – метаморфоза. В случившемся с Марком преобращении-метаморфозе имелись случайности, но и закономерности были тоже.

Завернул Марка на «глиссаду» его «второй пилот», младший компаньон, которого назовем Валера. В «отчаянные 90-е» ребятки неплохо поимели, занимаясь всем подряд, что называется, «от батона до... бурбона».

Тут надо сказать, что Марк был и есть из породы тех уникальных людей, которые не могут просто сидеть сложа руки. Их разум пребывает в непрерывном поиске новых, оригинальных, иногда даже сумасшедших идей по зарабатыванию наличности. Там, где большинство пройдет, ни на что не обратив внимания, такие, как Марк, срубят целковый.

Впервые о таких людях я узнал из рассказа старших товарищей про дело Германа. Будучи в конце 70-х годов прошлого века инженером Тушинского машиностроительного завода, Герман совершенно не желал мириться с объемом зарплаты, предлагаемой советским государством ИТР (инженерно-техническому работнику). Он предполагал увеличить ее в разы, для чего изобрел совершенно уникальную схему извлечения золота из штекерных разъемов, которые, никому не нужные, валялись на заводской свалке.

Золото использовалось при пайке, а брак выкидывался, поскольку все знали, что извлечь благородный металл из разъемов невозможно. Герман имел на сей счет собственное мнение, поэтому сначала придумал, а затем и реализовал свое изобретение. Путем технических ухищрений тончайший налет золота, напомилавший сигаретную бумагу, отделялся от разъема и складировался в трехлитровую тару. Наполненные практически невесомыми золотыми листочками батареи банок стояли у него на полках в кладовке, за занавеской. Как варенье. Потом золото переплавлялось в слитки. Попался Герман, как это обычно бывает, на том, в чем ничего не смыслил, – на реализации. Советская власть в те времена была еще крепка и, совершенно не оценив гениальность изобретения, надолго отправила горе-ученого куда Макар телят не гонял. Старшие товарищи говорили, что он тогда легко еще отделался, а могли и лоб зеленкой смазать.

Примерно в те же годы, когда Герман не покладая рук трудился в Москве, в культурной столице – Ленинграде – Марк обучал Валеру, которого устроил барменом в культовый кинотеатр, азам бизнеса. Ученик попался тупой. Марк рассказывал потом:

– Делал он бутерброды из дефицитной красной рыбы. Я сказал ему: «Ты кладешь три кусочка на бутерброд. Положи два, а из оставшихся кусочков от двух бутеров делай третий и продавай его». Он так и поступал, только третий бутерброд не продавал, а сжирал, ты представляешь!

Привычка в любой ситуации оставаться адвокатом дала о себе знать:

– Может быть, он просто есть хотел в тот раз?

– Да нет, это не какой-то особый случай был, не технический сбой. Это осознанное поведение, судьба, можно сказать. Судьба дурака средней руки. А все почему? – Марк блеснул стеклами дорогих очков, и его указательный палец взметнулся вверх. – Потому что перцепция не означает рефлексии.

– Вы что имеете в виду? – стараясь казаться умным, переспросил я.

– Если он бабки поимел, это ещё не значит, что он понял, как их зарабатывать. Или то, что человек прочел Уголовный кодекс, еще не означает, что он стал юристом.

С приходом демократии даже такие люди, как Валера, под руководством Марка стали заниматься бизнесом. Среди направлений были совсем экзотические, например продажа аппаратов для поиска золота в Индонезии и открытие в России филиалов западных орденов всяких рыцарей. При этом Марк лично разводил по углам воюющие индонезийские кланы, усаживая их за стол переговоров, пил там с генералитетом и лазил с клиентами в сопровождении солдат по горам. А по возвращении умудрялся посещать тусовки в черной конфедератке и мантии, на которой красовался огромный сверкающий камнями ромб-орден, намекая на связи обладателя экзотического наряда в мировой закулисе. После чего делал присутствующим весьма выгодные предложения. Однажды после такой встречи в большой фирме на высоком этаже происходило совещание по передаче Марку денег на нужды закулисы, с тем чтобы получить за это максимальные преференции на западном рынке. Обстановка накалялась. Люди спорили до хрипоты и крика о том, в какой именно сумме нуждается финансовое зазеркалье и чего нужно попросить в ответ. Марк, зная, что один из участников совещания по образованию гинеколог, громогласно сообщил, указуя на него своим перстом:

– Послушайте его! Он – один умный среди нас!

В ответ на изумленные взгляды пояснил мужчинам:

– Мы все *туда* деньги вкладываем, а он единственный из нас – вынимает!

Гинеколог был за Марка. Под дружный хохот решение приняли.

Однако мало-помалу все это осталось в прошлом. Марк остепенился, стал на пару с Валерой соучредителем в серьезной конторе, занимающейся «растаможкой».

Примерно к этому же периоду относится начало заботы Марка о своей грешной душе, обращение к православию и знакомство с отцом Григорием.

Со временем Валера организовал собственный бизнес и вернулся в Питер. От дел в созданной когда-то компании отошел, затраты нести отказался, на прибыль, соответственно, также не претендовал. Время шло, и Валере стало совсем лень да и хлопотно подписывать какие-то протоколы собраний, утверждать непонятные и ненужные ему сделки, назначать неизвестных директоров, и в конце концов он предложил Марку оформить его долю на себя: «Черкни там за меня, где надо, мы ж друзья, что нам эти бумажки». Марк «черкнул», и жизнь потекла дальше.

Все было хорошо до момента, пока не стало плохо. Понятие «плохо» имело конкретные очертания в форме изменившихся правил игры, знаменовавших начало новой эры: стабильных нулевых. Кстати говоря, «стабильность» определяется как неподверженность значительным изменениям, причем не только плохим, но и хорошим. Сам же «ноль» – число,

от прибавления, а также вычитания которого никакое другое число не меняется. Имея это в виду, попробуйте познать смысл выражения «стабильные нулевые»...

Но в случае Марка все поменялось. Из бизнеса пришлось уходить, освобождая место вновь прибывшим людям в погонах. Валерий, также освободивший место для новой элиты Ингерманландии, вспомнил о своей доле в Москве и потребовал денег. Марк, естественно, отказал.

Юридически долю свою Валера внес много лет назад столами и стульями, оцененными в две сотни тысяч рублей, коих никто и никогда в глаза не видел. При миллионных оборотах это копейки, то есть внесение доли было «номинальным». В организации оба они были соучредителями, имея злополучные 50 % на 50 %. Так их называю, потому что львиная доля предпринимателей, начиная бизнес с друзьями, совершенно не думают и не понимают, что при возникновении трений между партнерами схема, при которой ни у кого нет большей доли, то есть права принимать принципиальные решения, обрекает бизнес на уничтожение. Возникает вопрос: на чьей стороне генеральный директор? А тот обычно сам не рад сложившейся ситуации, так как приходил в фирму зарабатывать, а не участвовать в разборках. И дальше со всеми остановками.

Долго ли, коротко ли, а пришло такое время, когда Валера

взял да и написал заявление о преступлении, обвиняя Марка в том, что он документы подделал и долю его в обществе с ограниченной ответственностью присвоил.

Заявление свое Валера отправил с берегов Невы в одно из столичных УВД по факсу. Дальше ведомство, в котором существует поговорка «заявитель – враг дежурной части», ведомство, о котором на уровне генерального прокурора РФ сказано, что «уголовная статистика, к сожалению, отражает не истинное количество совершенных преступлений, а негодную практику их регистрации... она (*полиция. – Прим. авт.*) объективно покрывает преступников, помогает им избежать заслуженного наказания, потому что часть преступлений вообще не регистрируется»⁵, это ведомство неожиданно проявило чудеса расторопности. Не просто зафиксировало питерское эпистолярное творчество, но и возбудило по факсовым листкам уголовное дело. Неформатные бумажки эти, кудрявясь, потом долго выглядывали из пухлой папки первого тома дела, как бы напоминая о том, что бывают в нашей жизни чудеса.

Возмущенные полицейские, неподкупный следователь и беспристрастный прокурор довольно быстро нашли виновного, и очень скоро Марк ел яблоки, сидя на привинченной к полу мебели.

Отношение его к этому факту было, на удивление, спокой-

---

⁵ Цит. по: <https://ria.ru/incidents/20050121/2759267.html>

ным. Не могу сказать, что имело место христианское смирение. Скорее разгадка таилась в злой шутке Дюрренматта: «Любого человека, ничего ему не объясняя, можно посадить в тюрьму лет на десять, и где-то в глубине души он будет знать, за что»⁶.

Дело попало к печально знаменитой жесткими приговорами судье, которая часто давала сроки большие, чем установлено в Уголовном кодексе, и не подвергаемые отмене вышестоящими инстанциями. Мне было известно, как она сохраняла «каменную маску» вместо лица на заседаниях, грубо обрывала адвокатов и авторитарно подавляла попытки защиты отстаивать свои позиции. Ни о каком вменяемом ведении процесса, реальной состязательности сторон не шло и речи.

Единственным шансом на успех был тот факт, что прокуратура, видимо успокоившись в связи с попаданием дела в надежные руки, прислала на процесс новенькую помощницу прокурора. Девушку, без сомнения, образованную, но не имеющую большого опыта. Судебное следствие началось с допроса свидетелей, коих в деле фигурировало множество – от сотрудников фирмы и общих друзей до знакомых и мимо проходивших личностей.

---

⁶ Дюрренматт Ф. Визит старой дамы. Собрание сочинений. Том 4. М.: Прогресс, 1998.

О стратегии и тактике допроса свидетелей в ходе судебного заседания написаны десятки книг. «Ряд обдуманых и расчетливо перемешанных вопросов может вынудить свидетеля признать то, что он хотел бы утаить»⁷. Это цитата из главы «Допрос свидетелей» труда «Уголовная защита», написанного русским юристом времен царской России Петром Сергеевичем Пороховщиковым (публиковался под псевдонимом П. Сергеич). Данная глава, на мой взгляд, является лучшим пособием для того, как адвокату правильно вести допрос свидетелей.

Впервые она помогла мне, только закончившему вуз, когда довелось представлять интересы коллеги по новой работе в иске о защите чести и достоинства. У коллеги шел тяжелый бракоразводный процесс. Тем временем бывшая теща опустила до того, что написала грязный пасквиль ему на работу, описывая, как он ей угрожал и срамил ее на людях. Коллега подал иск с требованием опровергнуть порочащие его сведения. Краеугольным камнем процесса стал факт якобы встречи истца и ответчицы, в ходе которой были произнесены угрозы и прочие «обидности». Наша сторона доказывала, что никакой встречи не было. Ответчица привела семь человек лжесвидетелей, доказывающих, что встреча была. Все свидетели как под копирку говорили одно и то же, но спотыкались на косвенных вопросах, об ответах на которые не договорились заранее. Например: если они видели встречу,

---

⁷ Сергеич П. Уголовная защита. СПб.: Сенатская типография, 1913.

то в какую сторону участники направились после ее окончания? Или: откуда пришли на встречу истец и ответчица?

Четвертым по счету в зал вошел подполковник существовавшей тогда налоговой полиции, весь в значках и юбилейных медалях, который являлся соседом бывшей тещи моего коллеги. Подполковник сообщил, что осуществлял чуть ли не оперативное сопровождение ответчицы от квартиры до места встречи, следуя на расстоянии, при этом имел целью предупреждение противоправных действий со стороны моего доверителя. Внешний вид бравого служаки, фразы «оперативное сопровождение», «противоправные действия» произвели на судью впечатление, и он заколебался: «А вдруг не врут?».

Следующим вошел муж тещи, бывший тесть истца. Несколько сбитый с толку предыдущим свидетелем, я не знал, как вести допрос дальше. В памяти автоматически всплыли слова незадачливого зятя о том, что теща мужу всю жизнь направо и налево изменяла, продвигаясь таким образом вверх по карьерной лестнице, попросту говоря – пока была «в соку», то спала с начальством. Была в курсе этого и ее дочь, до которой доходили обрывки сплетен, и, естественно, муж бывшей тещи. Однако все молчали, пользуясь материальными плодами супружеской измены, под предлогом сохранения ячейки общества.

К сожалению, в данной ситуации помочь мне эта информация никак не могла. Муж тем временем бодро сообщил

суду, что в день встречи, субботу, он оставался дома, отправив жену на «свидание» в сопровождении военного-профессионала, а после ее возвращения тщательно расспросил ее о произошедшем. Взоры устремились на меня.

– То есть вы на встрече не были? – проямлил я.

– Я же сказал, что нет.

– У вас еще вопросы к свидетелю есть? – судья был явно раздражен.

– Да, ваша честь. – Вопросов у меня на самом деле не было, но и отпускать свидетеля в такой момент было категорически нельзя.

– Тогда задавайте!

– Итак, в тот день вы остались дома ждать супругу. На саму встречу вы не пошли, отправив с ней профессионала. А когда она вернулась, то подробно расспросили ее о состоявшемся разговоре... – начал как можно спокойнее рассуждать я.

– Я уже сказал об этом, так все и было! – Свидетель немного нервничал.

– Представитель тянет время, у него кончились вопросы! – скалился адвокат ответчицы.

– Вопрос задавайте! – настаивал судья.

Стараясь не обращать внимания на эти реплики, я продолжил логическую цепочку своих рассуждений:

– ...но мы утверждаем, что встречи никакой не было. Это значит, что в ту субботу ваша жена ушла с соседом в неиз-

вестном направлении, пробыла с ним какое-то время, после чего вернулась и рассказала вам историю. А сколько по времени она отсутствовала с соседом? Два часа? Больше?

Эффект от вопроса превзошел мои ожидания.

– Ты на что намекаешь, щенок?! – Многие годы не имея возможности дать волю эмоциям, муж-рогоносец решил за все обиды отыграться на мне. – На что ты, тварь, намекаешь, я тебя спрашиваю?!

Изрекая слова как можно медленнее и спокойнее, я ответил:

– Ни на что. Просто задаю вопрос.

Мой ответ потонул в возгласе очнувшегося судьи:

– Свидетель, к порядку!

От гнева ноздри свидетеля вздувались, краска залила лицо, руки непроизвольно сжимались в кулаки. Он перевел совершенно обезумевший взгляд на судью:

– И ты тоже заткнись! Еще учить меня тут будешь!

Дальше все было разыграно как по нотам. Свидетель был удален из зала суда. Оставшихся суд постановил не заслушивать. К уже данным показаниям отнесся критически. Иск был удовлетворен в полном объеме, включая значительную материальную компенсацию. Как выразился мой коллега: «Вдарил по этой офигевшей банде рублем».

Надо отметить, что в тот раз я все же нарушил правило, которое самым верным образом сформулировала Джоди Пи-

колт⁸: «Ни один опытный адвокат никогда не задаст свидетелю вопрос, на который сам не знает ответа». Хотя для того случая есть смягчающее вину обстоятельство: опыта у меня еще не было.

На суде у Марка все было как надо. Раз за разом свидетельские показания, данные в ходе следствия, рассыпались после вопросов адвоката. Свидетели фактически опровергали все, что записал в протоколах их допроса следователь, и сообщали совсем иную картину происшедшего. Кроме того, «вы просто не представляете, сколько всего может не запомнить человек, если он вызван в качестве свидетеля», как мудро выразился создатель «принципа Питера»⁹, то есть сам Лоуренс Питер.

Помощница прокурора, видимо, полагала, что это все несущественно. Ну а я, испытывая легкое головокружение от успеха, продолжал отбивать свидетелей. Дело стало рассыпаться на глазах.

Обращение судьи к помощнице прокурора прозвучало как гром среди ясного неба:

– Прокурор, вы понимаете, что он делает?! – указатель-

---

⁸ Jodi Picoult. *Nineteen Minutes*. London: Hodder&Stoughton, 2008.

⁹ «Принцип Питера» – положение, выдвинутое и обоснованное в одноименной книге Лоуренсом Питером. Формулировка: «В иерархической системе каждый индивидуум имеет тенденцию подняться до уровня своей некомпетентности». По мнению некоторых критиков, «принцип Питера» следует воспринимать как шутку, хотя самим Питером он изложен без какого-либо намёка на юмор, как вполне серьезная теория. Ист.: <https://ru.wikipedia.org>

ный палец жрицы Фемиды смотрел в мою сторону.

– Он? – в голосе стороны обвинения прозвучало неподдельное удивление. – Он задает вопросы свидетелям.

Хотя такой ответ трудно было назвать неправильным, но судью он почему-то не устроил, и она, тяжело вздохнув, объявила перерыв до утра следующего дня.

Утром на месте милой помощницы прокурора восседал один из тяжеловесов обвинения. За ночь прокуратура по чьей-то просьбе сменила своего представителя, и теперь каждый мой вопрос обрывался протестами и загоном свидетеля в угол его же показаниями, которые он дал в ходе следствия. Любые мои ходатайства отклонялись. Все попытки изменить ситуацию наталкивались на объявление очередного замечания судьи, которая, забыв про слепую беспристрастность Фемиды и находясь скорее в фанатическом ослеплении, полностью играла на стороне обвинения. Из всех участников судилища ее не устраивал теперь только адвокат.

Несмотря на это, я продолжал упорно следовать линии защиты, чем заслужил в одно из заседаний прозвище со стороны Марка, которым именовался до конца разбирательства. После очередного вопиюще несправедливо проигранного раунда он в запале махнул рукой и присел на скамью, демонстративно развернувшись спиной к суду. Я тоже от имевшей место беспардонной наглости обвинителя испытал чувство, близкое к отчаянию. Однако взял себя в руки и,

стараясь говорить монотонно, стал заявлять следующее ходатайство, которое было намечено по нашему плану. Закончив, услышал из-за спины удовлетворённый баритон:

– А Вы, Григорий, оказывается, юридический ригорист.

Вопреки нашим усилиям, процесс катился по наклонной. В конце концов даже мне этот фарс надоел.

– Ваша честь, у меня внепроцессуальное ходатайство.

В этом месте мой внутренний голос заорал: «Что ты делаешь?! Опомнись! Такой формы ходатайства нет в природе!»

Судья была с ним согласна:

– Вы что хотите сказать, адвокат?

Адвокат, не показывая пальцем на монстра обвинения, ни к кому не обращаясь, сказал-выдохнул:

– Так нечестно.

Конечно, можно было бы присовокупить к этой фразе еще много чего. Про то, что судопроизводство давно уже обогнало по производительности и рентабельности любое другое производство в нашей стране. Про обвинительный уклон правосудия, про явно заказной характер дела, про машину по штамповке приговоров... Но адвокат произносить всего этого не стал. Поскольку *sapienti sat*¹⁰.

Фразу предпочли счесть результатом переутомления, и процесс покатился дальше.

---

¹⁰ Для понимающего достаточно (лат.).

...Прокурор окончил читать обвинительное заключение. Государство в его лице просило четыре года колонии общего режима.

Адвокат встал и, понимая всю бессмысленность пламенного выступления, не устраивая «чемпионат по метанию бисера»¹¹, спросил судью:

– Ваша честь, вы помните, я внепроцессуальное ходатайство заявлял?

Служительница Фемиды неподдельно удивилась:

– И что?

– Учитывая его, прошу вас назначить наказание, минусуя один год.

Можно было попросить отнять два года, но санкция статьи начиналась с трех лет и такая просьба была бесперспективной.

Видимо, опешив от неожиданности, она пристально посмотрела на меня.

– Это вся ваша речь, адвокат?

– Да, уважаемый суд.

Смею утверждать, что «каменная маска»... нет, не улыбнулась, конечно, но скальные породы в районе губ разошлись, показывая расположение к смеху или хотя бы к доброжелательности.

---

¹¹ Довлатов С. Д. Записные книжки. Собрание прозы в 3-х томах. СПб.: Звезда, 1993.

Печально знаменитая жесткими приговорами судья, которая иногда давала сроки больше, чем установлено в Уголовном кодексе, назначила Марку наказание: три года лишения свободы.

Как принято говорить в тех местах, куда он отбыл: год не срок, два – урок, три – пустяк, пять – ништяк¹².

Находясь в изоляторе, а позже в колонии, Марк не оставил православной веры. Наоборот, воевал с администрацией по поводу времени для молебнов, посещений священников, но самым известным случаем стала встреча им своей первой Пасхи в неволе.

Надобно отметить, что пасхальный день, главный праздник всех христиан, для заключенных наполнен особым смыслом. Истоки этого лежат в какой-то генетической памяти сидельцев, идущей со времен русских царей, которые всегда на Пасху посещали тюрьмы и остроги. Соблюдая заповедь «Помните узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле»¹³, государи и

---

¹² Удивительно, но факт: эта поговорка соответствует мнению по данному поводу одного из самых уважаемых ученых царского времени, С. П. Мокринского, который максимальным сроком изоляции считал период, равный пяти годам, утверждая, что «удерживать, в целях исправления, более 5 лет нет основания: не исправив субъекта в течение этого срока, учреждение достаточно ясно обнаружило свое бессилие исправить его». Это же показывают многочисленные исследования: после пяти лет отбывания наказания позитивный эффект от исправительного воздействия, если он и присутствовал, уступает место регрессу личности, происходит утрата чувства вины за совершенное преступление.

¹³ Послание апостола Павла к Евреям, 13: 3.

государыни всероссийские в Светлое Христово Воскресенье лично одаряли острожников едой, одеждой и самым желанным – свободой, объявляя о помиловании. Древнехристианский обычай также подразумевал выкуп состоятельными людьми из темниц должников.

Именно об этой богоугодной традиции великий Пушкин иносказательно писал:

*В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны¹⁴.*

Обычай «пасхального прощения», берущий начало еще с ветхозаветных времен, утвержден был у христиан в 367 году по Рождеству Христову при императоре византийском Валентиниане. Советская же власть не то что пасхальное прощение, но и саму Пасху пыталась отменить. В итоге отменили саму советскую власть. Однако обычай пока не возрожден, хотя стоило бы.

Не скажу точно, известно ли было заключенному Марку об императоре Валентиниане, но неумная энергия своеобразного мышления, которая даже за решеткой не могла оставаться взаперти, дала о себе знать.

---

¹⁴ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10-ти томах. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. Т. 10.

Незадолго до Пасхи Марк был отправлен с поручением в административный корпус. Выполнив задание, он решил позвонить на волю, благо заместитель начальника ему это разрешил сделать по телефону из приемной. Пока он разговаривал, ему на глаза попала книжка, лежащая на рабочем столе. Она называлась «Справочник организаций и предприятий города N». Подумав, он открыл ее на странице с телефонами директоров хлебозаводов. Дальше состоялись похожие друг на друга телефонные звонки:

– Добрый день, с вами разговаривает начальник колонии... – дальше Марк представлялся именем хозяина зоны. – Скоро наступает Светлый праздник Пасхи Христовой. Ваш хлебозавод печет по этому случаю куличи. Скажите, а непроданные, которые к концу Светлой недели возвращают из магазинов, вы куда деваете?

Ответы были также похожи:

– Отвозим на свиноферму.

– А хорошо ли это? Вот тут, недалеко от вас, находится место, где больше тысячи людских душ не имеют утешения на Пасху. Не лучше ли привезти эти куличи им?

В конце пасхальной седмицы в колонии наблюдалась странная для сего места картина: фуры с хлебозаводов, нагруженные куличами, стояли перед воротами. Возле них метались конвойные и сотрудники администрации, выясняя, что происходит, и кто это устроил.

В тот год каждый сиделец отпраздновал Светлое Христово Воскресение, вкусив кулич. С надеждой на лучшее. «Начальник колонии» получил взыскание. А традиция жертвовать непроданные куличи заключенным остается в губернском городе до сих пор. Нарушена она была только однажды, когда новый хозяин все куличи приказал свалить на пол в хозблоке, где они и сгнили, не доставшись узникам. По странному стечению обстоятельств начальствовал он после этого совсем недолго, и через год, на следующую Пасху, его в колонии уже не было.

Истории с этим судом в 2019 году исполнится десять лет. Валера так и не смог наладить свою жизнь, «погнался за крохой, да без ломтя остался», опустившись до откровенно разбойных схем, и в настоящее время отбывает наказание за совершение убийства.

Марк давно уже освободился, и теперь мы каждый год вкушаем освященные яблоки за праздничным столом отца Григория, вспоминая «батюшкины яблочки», как дела давно минувших дней.

Битая, на ходу

Если жену не побить, она подумает, что уже стала вдовой.

Армянская пословица¹⁵

Я – муж, ты – жена, я бью, ты молчи.
Еврейская пословица

Милого побои не сильно болят.
Русская пословица

Жену бьешь – себя бьешь.
Удмуртская пословица

Я не люблю вставать рано, особенно на календарном стыке зимы с весной. Понимаю, что подобную нелюбовь испытывает большинство жителей Среднерусской возвышенности, но у меня это доходит до какого-то клина. Порой мне кажется, что одной из причин, по которой я стал адвокатом, то есть человеком «на вольных хлебах», было желание иметь возможность подольше поспать.

В то утро вставать надо было ни свет ни заря – новый клиент назначил встречу рано, поскольку потом у него была тре-

---

¹⁵ Здесь и далее цит. пословиц по: Лупарев Г. П. Юридические пословицы и поговорки народов мира. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2014.

нировка. Многоборец Варфоломеев, олимпийский чемпион, многократный призер чемпионатов мира и Европы, заслуженный мастер спорта, недавно прогремел во всех информационных лентах страны совершенно по иному поводу: он с размаху врезал кулаком бывшей жене по лицу. Та написала заявление, и Варфоломеев стал фигурантом уголовного дела.

Серое мартовское утро выдалось дождливым. «Тренировка у него, режим, видите ли, – собираясь, ворчливо думал я. – Качает мышцу. Чтоб еще кому-нибудь врезать».

Сонный, совершенно без настроения, приехал в одно из открытых в тот рассветный час кафе. Посетителей было мало, в углу на жестком диване сидел Варфоломеев. Узнать многоборца не составило труда. Мы познакомились, я заказал завтрак. Спортсмен начал сбивчиво рассказывать историю своей семейной жизни, обходя сам инцидент. Эту защитную реакцию человеческой психики я знаю давно. Он и так понимал, что совершил нечто малоприятное, а теперь должен рассказать об этом совершенно постороннему, да еще и попросить того о помощи.

Вспомнился Дюрренматт: «Из всех преступлений неприятнее всего сознаваться в убийстве. Обвиняемый сторает со стыда, отрицает содеянное, хочет забыть его, вытеснить из памяти, с предубеждением копается в своем прошлом, отягощает себя преувеличенным комплексом вины и не дове-

ряет никому, даже человеку, который относится к нему как отец, – своему защитнику»¹⁶.

«Ладно, хоть не убил ее, – подумал я, прихлебывая кофе. – А судя по габаритам – запросто мог бы...»

Профессиональный опыт давно научил меня терпеливо выслушивать разные несущественные подробности, пока человек не созреет до рассказа о непосредственной причине нашей встречи. Но в этот раз утро подействовало удручающе, и на середине истории семейной жизни Варфоломеева я понял, что очень хочу закурить. Это было не по правилам, но зависимость брала свое.

– Извините, я понимаю, что вы взволнованы, у вас спортивный режим, здоровый образ жизни и все такое, но мне надо выйти покурить. Естественно, что вам, спортсмену, такая привычка в дикость, поэтому даже не прошу вас выйти со мной. Подождите пять минут, и мы возобновим беседу.

Варфоломеев не мигая посмотрел на меня, затем резко поднялся и пошел к выходу.

На улице чемпион суетливо, как старшеклассник на заднем дворе школы, полез в карман куртки, достал пачку, прикурил сигарету и затянулся. У меня от неожиданности прошел сон:

– Курите? Вы?!

– Да. Не знаю, что делать. От нервов, наверное. Закурил. Только не говорите никому.

---

¹⁶ Дюрренматт Ф. Авария. Собр. соч. Том 2.

– Думаю, что в этом случае понятие адвокатской тайны можно распространить и на информацию о курении.

Домашнее насилие – это всегда трагедия, и веселого в нем нет ничего. Было только одно исключение в моей практике. Шел бракоразводный процесс пожилой пары.

В основании был раздел большой квартиры, которую мама пыталась отвоевать для половозрелого сыночка. Тот мог бы взять ипотеку или по-другому, но сам решать данную проблему. Однако выбрал иной путь – маман требовала разделить квартиру непропорционально, оставив три комнаты ей с сыном, а четвертую, самую маленькую, – бывшему мужу, который эту квартиру и заработал.

Муж недавно выписался из больницы после второго или третьего инсульта, маленький, тщедушный, в лице ни кровинки, похожий на охлажденную курицу. Она – наоборот, полна сил и энергии, а габаритами напоминала гренадера в полной выправке. Красная физиономия была кругла и лоснилась.

На суде всплыли откровенные подробности домашнего терроризма, когда мужика третировали насыпанием соды в суп или стирального порошка в кашу.

Сынок сидел в зале и изредка, тихо, как профессиональный суфлер, подсказывал матери нужные ответы на вопросы.

– Какая же все-таки истинная причина развода? – поинтересовалась дородная тетка-судья.

– Он... – «тамбурмажор» озиралась в поисках нужного ответа. Помощь пришла от сынули. – Да! Он меня бьет!

– Я?! – тонюсеньким голоском взвизгнул «дебошир». Взгляд его снизу вверх более всего в этот момент походил на взгляд цыпленка, трепыхающегося перед курицей.

Не говоря об адвокатах, резко углубившихся в бумаги, даже судье, чтобы сдержать смех, потребовалось срочно выйти в комнату совещаний, для чего она и объявила перерыв на пять минут.

Вспоминается, что в свобододолюбивой Франции был обычай мутузить своих благоверных на Пасху. Сначала била она его, на другой день охаживал он ее. Сегодня об этом рассказывают как о милом развлечении, хотя в подноготной обычая, как часто бывает, жесткая логика. Пары, устав от воздержания поста, в праздничную ночь грузились алкоголем «до полного отяжеления». А удовлетворение страсти плотской откладывали, пока не выветрится угар. А для того, чтобы случайно не сделать по пьяни детей-уродов, таким нетривиальным способом выпускали пар.

В остальных случаях все чаще бывает грустно. Иногда женщины, решив наказать мужа за пьянство, сами рвут на себе одежду, наносят удары, ссадины и вызывают наряд. Если сотрудники опытные, они быстро разбираются, что к чему. А если нет, то хомутают храпящего мужика на 15 суток.

Если же говорить о реальном домашнем насилии, то сколько ни встречался я с подобными случаями, могу ска-

зять одно: мужчина бьет женщину только от собственной слабости. Дома ли, на работе ли, но в любом случае что-то у него не срastается, и за это расплачивается благоверная. Поговорка «бьет – значит любит» имеет в своей основе постоянную потребность мужа в жене. Подразумевается, что в ситуации, когда представитель сильного пола слаб, супруга обязана его «убаюкать», утешить, успокоить, сделать так, чтобы он почувствовал себя вновь сильным.

Противодействие жен асоциальному поведению, например, алкоголизму мужа, маскирующемуся под «пятничные встречи» с друзьями, воспринимается как атака на его личное пространство и может быть основанием для рукоприкладства.

Порой имеет место «паника отверженного», когда муж кулаками пытается остановить жену, понимая, что его сейчас бросят. Может, даже навсегда.

Но все эти мотивы совершенно не оправдывают избиение. Как показывают данные опроса ВЦИОМ на январь 2017 г., «случаи побоев в российских семьях нередки: треть респондентов (33 %) сообщает, что подобные случаи бывали в семьях их знакомых, а каждый десятый (10 %) лично столкнулся с этим в своей семье.

Несмотря на превалирующее мнение, осуждающее любые виды насилия в семье (79 %), все же довольно высока доля россиян, допускающих применение физической силы в от-

ношении мужей/жен/детей (19 %)»¹⁷.

Варфоломеев развелся несколько месяцев назад. Отношения с женой катились под откос давно. Постоянные спортивные сборы и соревнования мужа, не способствовавшие нормальной семейной жизни, углубляли разрыв. Но детонатором стала ее фееричная идея пожить некоторое время раздельно, чтобы «все обдумать, взвесить и понять».

Варфоломеев снял себе квартиру, оставил троих детей у своей мамы и укатил на очередные сборы, с которых вернулся раньше намеченного срока. Решил навестить «обдумывающую отношения» супругу. Дверь ему открыли не сразу, а когда он все-таки попал в собственную квартиру, то увидел свою благоверную, мать троих детей, в обществе мужа совершенно другой женщины, по совпадению также отца троих детей. Парочка занималась далеко не обсуждением проблем воспитания в многодетных семьях. В тот вечер Варфоломеев сдержался. Но через несколько месяцев после развода обида прорвалась наружу. Дело в том, что переметка забрала детей и сообщила ему о том, что больше он с ними видеться не сможет.

Шантаж детьми – это всегда мерзко. А в данном случае это была явная провокация, рассчитанная на скандал. Делалось все, по совету участливых подруг, грамотно. Она поставила машину под уличную видеокамеру, зашла в спорт-

---

¹⁷ URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116035>

зал, где многоборец укладывал на лопатки очередного спарринг-партнера, и, не стесняясь присутствующих коллег Варфоломеева, сообщила ему новость. Добавив от себя, что такая скотина, как он, не имеет права участвовать в воспитании несовершеннолетних.

Как она родила троих детей от такой скотины, экс-жена умолчала, после чего быстро направилась к машине и встала, ожидая, когда камера зафиксирует реакцию Варфоломеева. Рассчитывала, как потом выяснилось, что, догнав, он станет трясти ее за плечи и, может быть, даже толкнет, а запись падения многодетной матери на землю подтвердит суду агрессивность и неадекватность Варфоломеева. Все так примерно и получилось. За одним небольшим нюансом. Варфоломеев «вспомнил все» и решил ее ударить, но когда подбежал к ней, то поскользнулся и, пытаясь удержаться от падения, с разворота «вложился в удар» со всей спортивной силы.

Камера бесстрастно зафиксировала сломанный нос и попытки потерпевшей встать с мокрого мартовского снега. На записи было хорошо видно, как она, пытаясь забежать в тренировочный зал, потеряла ориентацию, пошла иноходью влево и с разбега ударилась головой о металлический профиль забора, что характерно для человека, который получил сотрясение мозга. Не менее отчетливо просматривалась и фигура одуревшего от себя самого Варфоломеева, пугалом стоящего в центре картинке и не понимающего, что делать дальше.

После этого была «скорая помощь», дикие комментарии участливых подруг, сообщавших, что маньяк-спортсмен долгие часы пинал ногами свою бывшую жену, пытал, душил, оторвал ей нос зубами, а потом бросил ее, бездыханную, под колеса машины, и только чудо спасло ее от смерти.

Участливые подруги отдали нашего героя на съедение журналистам и раздавали интервью всем без разбора – от ярых феминистических изданий до ортодоксальных православных сайтов. Падкие на такого рода пошлые сенсации «мошенники пера, прелюбодеи мысли и разбойники печати», как клеймил недобросовестных писак русский публицист М. Н. Катов еще в веке девятнадцатом, гнали зловонную информационную волну. Подруги не забывали ловить собственный хайп и от души пиарились на человеческом горе и глупости. Вывод был всегда один: Варфоломеев – исчадие ада, ему место на нарах.

На «исчадие ада» ополчились друзья и знакомые. Спортивные фирмы, продукцию которых он рекламировал, спешно расторгли с ним контракты.

Спасаясь от вездесущих журналистов, многоборец закрылся дома и не подходил к телефону. Пока к нему не прибыл участковый и не сообщил, что за свои поступки надо отвечать по закону.

Звонок Романа, выпускающего продюсера одного из ток-шоу, меня озадачил:

– Гриша, здорово! Мы тут передачу делаем с известным спортсменом, у которого бывшая жена в бубен выхватила. Он адвоката просит порекомендовать. Сможешь помочь ему?

– Раз ты просишь, смогу, конечно. Только это не совсем мой профиль...

– Да ладно! Ты да не справишься?! Сделай так, чтобы ему «условку» дали. Или штраф. Сколько там стоит нынче бывшей супруге по роже съездить?

Простая откровенность телевизионщиков порой превосходит цинизм адвокатов. Наверное, поэтому мне так легко с ними общаться.

В самой передаче я не принимал участие – улетел в командировку. Смотрел это шоу в гостиничном номере по телевизору. Варфоломеев был сосредоточен, грустен и явно чувствовал себя не в своей тарелке. Бывшая его восседала с заклеенным пластырем носом. Фингалы под глазами, которые намеренно не ретушировали, дополняли картину. Будто специально для оживления мизансцены, Варфоломеев, передвигаясь по студии как слон в посудной лавке, подарил ей цветы, попросил прощения. Букет был отложен в сторону, амнистии не последовало. Подруги неистовствовали. Таких «героинь» на ток-шоу, сам того не зная, уже давно припечатал наш незабвенный:

Всяк суетится, лжет за двух,

*И всюду меркантильный дух.
Тоска!..*¹⁸

Апогеем передачи стало известие о том, что сейчас экс-жена проживает с тем самым многодетным отцом, бросившим семью, которого встретил на квартире Варфоломеев. Оказалось, что новый возлюбленный привез ее в студию, но выйти под софиты побоялся. Ведущий обратился к залу, и зрители аплодисментами начали просить «рыцаря» выйти из-за шторы, за которой он все это время прятался. «Рыцарь» так и не появился.

– Теперь вы понимаете, кто в этом зале настоящий мужчина, – глядя на Варфоломеева, подытожил ведущий.

«Настоящий мужчина» смотрел в камеру не моргая. Бывшая сидела, обиженно поджав губу то ли по поводу Варфоломеева, то ли в адрес своего нового бойфренда. Подруги как-то сникли. Я выключил телевизор.

Через два дня по моем возвращении в Москву мы отправились на допрос.

Дознаватель полиции тоже имела синяки под глазами. Но причина их была иной – хронический недосып. Еще молодая женщина, она уже выглядела устало и казалась старше своих лет. Однако резвость, с которой полисвумен стала «шить» моему клиенту дело, заставила пересмотреть мое

---

¹⁸ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Собр. соч. в 10-ти томах. Т. 5.

первое впечатление о ней:

– ...Тогда и убийство принцессы Дианы на него повесьте!

– Погодите, еще с Кеннеди не разобрались!

Я благоразумно сдал назад и аккуратно поинтересовался причиной столь непонятной активности. Она перестала печатать и поведала о женской солидарности. У нее уже побывали потерпевшая с подругами и мнение сформировали. Сама дознаватель состояла в разводе, дети остались жить с ней, а бывший муж тоже в свое время занимался рукоприкладством. В лице многоборца Варфоломеева весь род мужской должен был понести наказание за ее несложившуюся жизнь.

Я вздохнул. Такой случай уже встречался в моей практике, правда, тогда я был на стороне жертвы. Майор полиции «укатывала» своего регулярно напивающегося и распускающего руки благоверного по полной. Супруг открыто называл ее «животным», делая упор на то, что это никакое не оскорбление, так как все люди – животные. Тогда мне запомнилась фраза из протокола: «Гражданин А. толкнул гражданку А. на пол, сел на нее сверху и начал душить. Она сказала ему, чтобы он прекратил это делать. Он прекратил ее душить, встал и пошел в другую комнату». Описание было как из жизни роботов. Хотя мне доводилось читать в протоколах и не такие перлы. «На почтовом ящике телесных повреждений не обнаружено» или «Труп был доставлен в морг общественным транспортом». Выемка приказа «о кремировании работников за перевыполнение годового плана». Ну и номер один в

моем личном хит-параде идиотизма в протоколах: «...схватил его за яйца и начал душить».

Относительно «животного» я тогда вступил с ответчиком в теоретический диспут. В последний раз в законодательстве человека сравнивали с вещью-животным при рабовладении. Речь шла не только о Древнем Риме, но и о совсем недавнем, по историческим меркам, прошлом, например, в США.

Согласно гражданскому законодательству нашей страны, животные являются одушевленной вещью, то есть отличаются от тумбочки, при этом уголовный закон карает за жестокое обращение с ними. С недавних пор в законодательстве Швейцарии, например, животные признаны не вещью, а «чувствующим» существом, наделены специальной правосубъектностью. И дело опять-таки не в чувстве особой любви к ним, а в том, что необходимо было как-то прекратить практику превращения домашних питомцев в традиционные швейцарские закуски, поскольку в самом центре Европы, а не в каком-нибудь Китае, крестьяне весьма любят полакомиться копчеными собаками и кошками...

В тот раз мы защитили жертву, а сейчас мне предстояло переломить ситуацию в совершенно противоположную сторону. Но как?

Мои раздумья прервал голос дознавательницы:

– А вы что по этому поводу думаете, адвокат?

Пока я отвлекся, а она меняла картридж, Варфоломеев

попытался объяснить по-человечески, что произошла трагедия, он готов понести наказание, но и доля вины женщины в данном инциденте все-таки присутствует. Чем вызвал явное неудовольствие служительницы закона.

Я понял, что настал момент. И смотря ей в глаза, разделяя слова, произнес:

– Я думаю, что она дура.

Картридж замер в воздухе. Такого дама не ожидала.

– Кто-о?!

– Дура. Обычная дура.

– Это почему еще она дура?!

– Смотрите сами. Варфоломеев получит максимум условный срок, никакой реальной отсидки, месть не удастся. А вот судимость останется. Это означает, что его дети автоматически будут иметь в биографии судимого отца. Факт этот отразится на всей их дальнейшей жизни. Может быть, они решат поступить на госслужбу, стать полицейскими или закончить Академию ФСБ, может быть, захотят работать в МЧС – во всех этих местах отец с судимостью, даже если они в разводе с женой, не приветствуется. То есть довольно значительный набор вариантов их будущей профессии и перспективной карьеры изначально закрывается.

С другой стороны, его выгнали с работы тренера, с ним расторгли рекламные контракты. И если до этого момента он содержал детей полностью, то сейчас на это не будет денег. Она же с тремя детьми в Москве никогда не пробовала жить

на стандартную зарплату. Как она себе это представляет? На что содержать няньку, автомобиль? Покупать еду, одежду? Уровень благосостояния детей сейчас резко упадет.

– Но у нее же есть кто-то...

– Кстати, об этом «ком-то». У него у самого, насколько мне известно, трое детей. Плюс на всю страну показали ее моральный облик. Варфоломеев живет сейчас у матери, оставив бывшей жене квартиру, а та увела мужика из семьи и живет с ним.

– И что, вы его поступок оправдываете?!

– Нет, не оправдываю. Апологетом семейного насилия выступать может только кретин. Но надо думать собственной головой. И если подружки насоветовали тебе провокационную глупость, то подумай, прежде чем на это вестись. Как вариант, можно было спокойно все обсудить с ним, а не разыгрывать чужой сценарий. Подруги сейчас довольны – их показывают по ТВ, они раздают интервью в газетах и на сайтах засветились. Ловят хайп. А ей с этой провокации какой плюс? Одни минусы. Вот поэтому она – дура.

Воцарилась пауза.

«Ваш коллега родился», – подумал я, глядя на майора полиции.

– Послушайте, – наконец прервала она молчание, – а что, примирение невозможно?

Это был успех. Дознаватель увидела ситуацию со всех сторон и приняла решение.

– Я не знаю. Она же крови его хочет. В фигуральном смысле, естественно. Подруги нанесли огромную пользу!

– Так, ладно. Подпишите протокол и шагайте. Я поговорю с ней сама.

Солнечный апрель подходил к концу, и поцелуи весны были видны невооруженным глазом. В Москве на газонах вместо снега пробивалась трава, щебетание птиц слышалось даже сквозь гул машин, а почки на деревьях набухли, несмотря на сложную экологическую обстановку в мегаполисе.

Мы обедали с Варфоломеевым. И если в первый раз за окном было серенькое утро, то сейчас – красненький денек.

В моем портфеле лежало постановление о прекращении уголовного преследования в связи с примирением сторон. Принесли кофе, и я предложил:

– Пойдем покурим, что ли?

– Ты что! Я же бросил! Вот тогда, после допроса, и завязал. И, знаешь, даже кубок выиграть успел. Думал, что после того, как не занимался толком, да курил еще, – все, не смогу. А как-то пошло-поехало, первого поборол, потом второго... победил, короче, в итоге.

Неравный развод

Чтобы влюбиться, достаточно и минуты.

*Чтобы развестись, иногда приходится прожить
двадцать лет вместе.*

Григорий Горин

*У каждого барона своя фантазия, у каждого
писателя свой рассказ.*

Александр Бестужев-Марлинский

«Я хочу развестись». Немолодая интеллигентная женщина сказала это на выдохе, теребя платок. Произнесенные вслух слова заставили ее с новой силой осмыслить одну из самых трагических ситуаций, которые могут случиться в жизни человека.

Очевидно, что она испытывала сильное волнение, но профессия приучила меня сразу сосредотачиваться на деле. В конце концов, от хирурга не ждут падения в обморок от сострадания или вида крови, а верят в его квалифицированную помощь. Именно за помощью и она пришла ко мне. Разница в том, что вместо внутренностей человека я углубился в разбор принесенных Светланой документов.

Документы были, что называется, некачественные. Какие-то обрывки, осколки мозаики, из которых трудно было составить картину в целом. Очевидно, что супруг Светланы

активно занимался уводом имущества, в том числе объектов недвижимости, акций крупных компаний, тем самым готовясь к возможному разводу. Но какова цепочка, схема этих действий – понять было невозможно.

– Светлана, это все, что у вас есть?

– Да. Он стал очень скрытен. Документы таскает с собой в портфеле, который никогда не оставляет в коридоре, а только в кабинете. Туда меня не пускает, дверь всегда закрыта...

– Простите, тогда эти бумаги откуда? – насторожился я.

Дело в том, что такие мелкие подробности, как наличие документов при постоянно закрытой двери, иногда выдают человека с головой, а порой служат алиби. Одним из классических примеров, связанных с дверью, стало обвинение знаменитой адвокатессы СССР Софьи Каллистратовой во взяточничестве. Вот как это описывала ее дочь¹⁹:

«Мать ее клиента, Т. Г. Определенная, написала на нее донос, утверждая, что Каллистратова потребовала от нее взятку для передачи судье как гарантию того, что по приговору не будет конфискации имущества. Определенная написала, что передала деньги в консультации в Рабочем поселке, а ее сестра, стоявшая в коридоре около приоткрытой двери, все это видела, слышала и может подтвердить. Как позже призналась следователю доносительница, один юрист посоветовал ей такой ход для пересмотра дела «по вновь открывшим-

---

¹⁹ Заступница: Адвокат С. В. Каллистратова: сборник / сост. Е. Печуро. М.: Звенья, 1997.

ся обстоятельствам» в надежде избежать конфискации автомашины «Волга».

...22 февраля 1961 г. прокурор предъявил маме обвинение по статьям 17 и 174 УК – соучастие и посредничество во взятке. Выручил маму заведующий консультацией – Леонид Максимович Попов. Узнав, на чем строится обвинение, он сразу заявил: "Чепуха, ничего она не могла слышать: дверь в консультации или наглухо закрыта, или настежь распихнута!" Мама очень удивлялась тогда, как она могла это забыть! Провели следственный эксперимент: дверь действительно была перекошена и не держалась полуоткрытой. В апреле дело было прекращено, двухмесячный "вынужденный простой" оплачен, доброе имя Софьи Васильевны восстановлено».

То есть вопрос о том, закрыта ли была дверь в вышеописанном случае, потребовал даже следственного эксперимента.

Я уставился на Светлану, ожидая ответа.

– Видите ли... – тут она замялась. – У нас собачка есть. Он ее очень любит и в кабинет пускает. Я научила ее потихоньку таскать документы у него со стола и из портфеля.

По статистике, в России распадается больше половины браков.

85 % россиян считают разводы, в принципе, допустимыми при «фактическом распадении семьи», в зависимости от

конкретного случая, при этом будучи уверенными в том, что «ничто не должно и не может препятствовать желанию людей разорвать супружеские узы». За сохранение брака любой ценой выступают около 10 % опрошенных²⁰.

Что сказать на это? Думаю, что мы попались в капкан привлекательности всего временного. Непостоянство притягательно тем, что после него, за поворотом, тебя ждут новые люди, новые ощущения, новые вещи. И чем скорее человек сбросит с себя прежние, «старые» отношения и людей, тем лучше, тем быстрее на него обрушится лавина новых впечатлений. В бесконечной кутерьме переодеваний и смены партнеров тратится бесценное время, которое приходит и уходит, а у нас его нет. Спутник или спутница теперь не «на всю жизнь». Кстати, даже мебель теперь одноразовая, не говоря о посуде, модной лишь сезон одежде или еде на заказ. Отношения стали такими, что можно в любой момент скомкать и выбросить. Затем приобрести новые. И так до бесконечности, то есть до смерти. Мнимая легкость жизни не предполагает надежность, она не нужна. А надежность и есть верность в отношениях супругов, семьи. Смешно требовать ее потом от детей, родителей или друзей. Или от спортсменов. Или от солдат.

Бракоразвод – это всегда сложно. Люди влюблялись, жили вместе. Как написал Эдичка Лимонов: «Крепкие узы связей выросли между ними за годы. Столько пота, секса, спермы,

---

²⁰ URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115312>

ласки, стонов... Вот и создались невидимые узы»²¹. А потом они стали врагами. И говорит в них зачастую не логика, а эмоции, которые всегда плохой советчик. «Невидимые узы» рвутся с болью.

Соединить их потом бывает очень трудно. Хотя иногда в практике встречаются истории, о коих можно сказать: настоящее чудо.

Однажды супруга одного из коллег поведала о том, как насельник Троице-Сергиевой лавры пообщался с ней, приехавшей жаловаться на своего мужа.

– Тебе надо закрыть рот и две минуты помолчать. – Взгляд иеромонаха был строг. – Господь дал тебе два барьера перед всего одним языком – зубы и губы. А двум ушам барьера не дал. Лучше слушать больше, а говорить меньше. Подумай над этим.

– Всего две минуты? – удивилась она. – Стоп. Мне молчать, даже если он не прав?! А он? Он молчать будет?

– Ты про него не думай, не будь Ксантиппой. Ты на своих двух минутах сосредоточься. В самый пик ругачки. Когда слова изо рта сами летят. Вы, женщины, жестоки. То, что вам муж в минуты близости или томления духа рассказывает, вы потом против него же в скандалах и используете. Чтоб побольнее было. Эмоция у вас впереди рассуждения бежит.

---

²¹ Лимонов Э. Иностранец в смутное время. Омск: Омское книжное издательство, 1992.

Из цикла «я ему все скажу, а потом пусть убивает!».

– Ладно, батюшка, я попробую. Думаю, что две минуты помолчать – это несложно.

– Попробуй. Для тебя это молчание будет настоящим золотом, больше, чем все украшения, которые у тебя есть.

Сначала она дошла до семи секунд. Во время следующего скандала – до пятнадцати. Чтобы молчать минуту, ей потребовалась невероятная сила воли. Это произошло в их третью ссору с мужем.

Только на пятый раз она закрыла рот и две минуты молчала.

Через две минуты обалдевший муж спросил ее:

– У тебя все нормально, милая? Иди ко мне, пожалуйста, давай обнимемся.

Другой мой коллега находился на грани развода. Неожиданно он решил поехать на Афон. Целью его была беседа со старцем, которого он видел в ските Ксилургу за два года до этого, – отцом Николаем. В момент описываемых событий (2010 год) старец нес послушание в рухольной (монашеской кладовой) Свято-Пантелеймонова монастыря. Прибыв в обитель, адвокат обнаружил, что старца все ищут, в рухольной его нет, он, скорее всего, молится у себя в келье и никого не принимает. Коллега опечалился еще больше, хотя прибывшие с ним паломники надежды не теряли: ждали, что старец придет в церковь на вечернее богослужение. Храм

еще не открыли, а около дверей уже стояла в ожидании толпа мирян. На душе у моего коллеги было так тошно, что стоять вместе со всеми и ждать иеромонаха у него не было никаких сил. Он отошел подальше, прислонился к стене и в полном отчаянии стал думать, как быть ему дальше. Никакие разумные мысли не приходили в голову. Сколько так прошло времени, он не помнил. Из охватившего оцепенения его вывел знакомый голос: «Ну что ты? Не развелся еще?» Обернувшись, он увидел стоявшего рядом отца Николая. Тут необходимо отметить, что с последней встречи с монахом коллега никак с ним не контактировал, да и о семейных своих неурядицах старался вообще не распространяться. То есть знать о конфликте с женой старец не мог категорически. Поэтому вопрос о разводе произвел в голове адвоката эффект разорвавшейся бомбы. «Нет еще», – только и смог выговорить он.

Старец как будто этого и ждал: «Хорошо. Тогда пойдем ко мне. Ты ведь юрист?» – и повел его к себе в келью мимо весьма удивленных паломников. В голове нашего героя все смешалось, как в доме Облонских: «Если ему понадобилось вспоминать мое имя, кем я работаю, то как он узнал про развод? И почему он подошел именно ко мне? И что теперь будет, ведь ему надо в церковь?» Отец Николай завел моего коллегу в келью, где имел с ним обстоятельную беседу о его непутевой жизни. В частности, сообщил, что, разведясь, холостым он не останется, а с новой женой прежние проблемы

не просто через некоторое время вернуться, но многократно усилятся, поскольку женское естество у всех представительниц слабого пола одно и то же. Если он сейчас не может решить проблему с подругой жизни, потерпеть ее немощи, то новая супруга не станет избавителем от всех бед, а скорее наоборот.

Результатом беседы стал пересмотр жизненных ценностей, отказ от развода и продолжение брака.

Однако так бывает не всегда.

Светлана с Олегом поженились больше тридцати лет назад. Тогда он был провинциалом, приехавшим покорять столицу, а она, коренная москвичка, уже работала на Центральном телевидении. С ее помощью он пробился на самый верх, и к моменту визита в офис нашего адвокатского бюро Светлана, продолжавшая работать на скромной должности в Останкино, была супругой одного из самых известных на стыке «девяностых» и «нулевых» шоуменов нашей страны.

Раньше времени друг на друга не оставалось, все поглощали карьера и дети. Потом чада выросли, работа также пошла на убыль, но отношения оставляли желать лучшего, и Светлана ощутила в полной мере, как до неузнаваемости изменился ее муж.

Статистика говорит, что чаще всего разводы происходят у пар, которые прожили вместе 5–9 лет (28 %). После 20 лет этот процент падает до 13. То есть развод между людьми,

чей семейный стаж насчитывает целых тридцать лет, весьма нетипичная ситуация.

– Он изменяет вам?

Вопрос, который в обычной ситуации был бы верхом бестактности, сейчас являлся основой для выбора стратегии ведения дела. Адвокатский опыт, как и вездесущая статистика, говорит о том, что основными причинами разводов являются злоупотребление алкоголем или наркотическая зависимость одного из супругов, бедность и... измена.

Олег явно не был алкоголиком или наркоманом. Бедность семье также не грозила. Оставалась измена. Причем именно у женщин, а не у мужчин измена является наиболее распространённой причиной для желанья разорвать узы брака.

Имея координаты любовницы, можно понять, как реализуется увод активов, или, в конце концов, провести с ней переговоры о «мирном» расставании мужа с бывшей супругой в обмен на получение метрессой в безраздельное пользование объекта любви.

Порой имена пассий бывают много лет известны женам. Часто они молчат, терпят. Например, был случай, когда в селе многолетняя любовница мужика умерла, и он пришел на похороны. Там его встретила уже находившаяся в доме супруга, всю жизнь не укорявшая его этой связью. Но в этот раз она при всех сказала ему:

– Что, Петя, праздничная померла, буденная осталась?

Так и мой вопрос не был для Светланы неожиданностью. Однако ответить на него она не могла:

– Не знаю... Я чувствую, что да. Но не понимаю с кем... И нет никаких доказательств...

– Вы пытались вычислить, кто это может быть? Через друзей, знакомых? Коллеги по работе могут что-то подсказать, несмотря на то, что круг знакомств обширен. Он ведь известный человек, любимец женщин всей страны.

– Да чего только не делала! Со всеми говорила, телефон его весь перерыла, даже детектива нанимала... Нет ни одной «подходящей» кандидатки!

Измены разрушают не только семью.

Однажды следственная группа билась над раскрытием очередного преступления. Для подтверждения вины группы мошенников не хватало доказательств, чем, конечно же, успешно пользовались адвокаты. Архив банды искали повсюду, но найти не могли. Тогда руководитель группы вызвал на допрос жену одного из подозреваемых и положил на стол телефон, принадлежащий ее мужу:

– Телефон был закодирован, но наши специалисты декодировали его. Посмотрите «засекреченные» фото.

На ранее закодированных фото явилась взору любовница благоверного в стиле «ню», а также сам муж-мошенник, запечатленный с ней в различных позах. Видео также присутствовало.

Посмотрев, она брезгливо положила телефон на стол. Следователь ждал. Обманутая женщина поднялась со стула и направилась к двери. Уходя, обернулась:

– Гаражный бокс №... находится в кооперативе по улице... на окраине города. Там вы найдете все, что вам нужно.

Документы, обнаруженные следствием в неприметном гараже, стали полной неожиданностью для защиты. Вместе с приговором неверный муж получил на руки иск о разводе.

Изменник практически всегда оказывается в дурацких ситуациях, давно ставших предметом анекдотов и комедий. Все потому, что череда обманов, наполнивших всю его жизнь, становится частью внутреннего мира и подсознание постоянно ждет разоблачения. Ладно, если речь идет о молодых. К сожалению, независимо от возраста «грех сладок, а человек падок»²². Однако когда убеленный сединами отец семейства попадает, то бывает совсем уж не комильфо.

Олег Петрович был доволен собой. Еще бы! Взял отпуск на работе, жене сказал, что поехал в командировку, а сам прибыл к любовнице, которая давно жаждала провести с ним несколько дней. Особую пикантность ситуации добавлял тот факт, что жила его ундина в соседнем доме. То есть герой-любовник перетащил чемодан от жены к одалиске и зажил в свое удовольствие. К вечеру, однако, и у фаворитки

---

²² Островский А. Н. Сердце не камень. Собрание сочинений в 10-ти томах. М.: ГИХЛ, 1959–1960. Т. 8.

нашлось для него домашнее задание – вынести мусор. Делать нечего – он залихватски подхватил ведро и пошел к бакам. Риска встречи с супругой не было: уже стемнело, а ходить к «мусорке» по ночам она не любила. Кроме того, считала сам факт избавления от мусора на ночь глядя дурной приметой. Думая о том о сем, Олег Петрович опустошил ведро и направился к дому.

Неожиданный вечерний звонок удивил супругу, и она спешно открыла дверь. На пороге стоял ее благоверный в домашнем тренировочном костюме и с чужим мусорным ведром в руках. Утратив бдительность, он доверился инстинктам, и ноги сами привели его к дверям родной квартиры. Командировка удалась.

Толковый словарь Даля содержит два значения слова «брак»:

– законный союз мужа и жены; супружество; таинство венчания, соединение четы церковью;

– товар, оказавшийся негодным, порченным или ниже должной доброты.

Эти два слова являются омонимами, то есть совпадающими по звучанию и написанию, но не по значению. Слово «брак», в смысле супружества, происходит из старославянского языка, в котором оно означало женитьбу, и образовано от глагола «брати» (братъ) с помощью суффикса – к (аналогично знать – знак). Связь слова «брак» с этим глаго-

лом подтверждается выражением «братъ замужъ». Существует также диалектное «браться» – жениться, украинское «побралися» – женились.

«Брак» в значении негодного товара происходит от немецкого слова brack – недостаток, порок, которое, в свою очередь, образовано от глагола brechen – ломать, разбивать. Это заимствование произошло в петровские времена.

Обращу внимание на то, что В. И. Даль в своем определении супружества как союза ставит мужа на первое место. Интересен тот факт, что и Конституция Российской Федерации (п. 3. ст. 19), гарантируя равенство прав и свобод для полов, также ставит мужчину на первое место, хотя по алфавиту (привет феминисткам!) буква «Ж» идет ранее «М»: «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Этот метод изложения, без сомнения, стыкуется с Евангельским Посланием святого апостола Павла: «Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа» (к Ефесянам, 5.33). И пусть уважаемых читательниц не смущает слово «боится», так как греческое *phobitai* имеет несколько смыслов, в том числе – чтить, уважать, заботиться. Славянский глагол «бояться» также содержит эти значения.

Действительно, несмотря на равенство полов, роль мужчины, его права и обязанности, как мужа, главы семьи, защитника Родины, отца и кормильца, на мой взгляд, все же

«равнее». И не будем забывать, что первым был сотворен Адам, мужчина, а женщина, помощник его, – второй, и ее положение – более подчиненное.

К сожалению, в последнее время многие стараются об этом не вспоминать, что особенно ярко проявляется в момент крушения семейной жизни. Несмотря на то, что инициатива разрыва отношений в подавляющем большинстве случаев (от 60 до 80 %) принадлежит женщинам, мужчины, совершенно точно, несут значительно большую ответственность за прекращение супружества.

Два разных «брака» в русском языке соединяются, когда супружеские узы трещат по швам. В этом случае на авансцену выступают слово «бракоразвод» и его «авгуры» – адвокаты, как неизбежные предвестники расхождения бывшей пары по разным дорогам жизни.

Хотя иногда адвокаты восстанавливают справедливость. Одним из наиболее ярких демонстраций этого тезиса является дело о разводе Розы. Они с мужем прожили вместе девятнадцать лет. Она была из обеспеченной семьи, он – крестьянский сын. Она родила ему двоих детей. Когда дела пошли в гору, то он сильно изменился по отношению к ней. Наверное, не смог простить ей свое изначальное безденежье.

Началась травля. Она терпела, превращаясь в забитую кукулу. Он обвинял ее в изменах, которых не было. Сам при этом гулял направо и налево, так сказать, жег свечу с обоих

концов. Не стесняясь рассказывал о любовных похождениях ее брату, а тот не говорил ей, чтобы не разрушить брак. Он настроил против нее детей, которые знали, что мама «плохо себя ведет», а папа из последних сил заставляет ее вести себя хорошо. Для чего регулярно бьет. Апофеозом стало жестокое ночное избиение, в результате которого она не могла передвигаться.

Испугавшись последствий своего «воспитания», он отобрал у нее телефон и велел своему (и ее!) семнадцатилетнему сыну не выпускать ее из квартиры, пока не заживут кровоподтеки и синяки. Как говорится, «вот тебе дорога – от печи до порога»²³. А сам трусливо сбежал «по делам» в другой город. Тревогу забили ее родители, которые в течение пяти дней не могли до нее дозвониться. Приехали на квартиру. Дверь им не открыли. Пришлось вызывать МЧС. В результате «охранявший» мать сын ударил своего родного деда, тот неудачно упал и оказался в больнице. Заявление на внука дед писать отказался, хотя его правая рука перестала разгибаться.

Вернувшись «от дел», муж собрал ее вещи в сумку, посадил в машину, заехал к нотариусу и подписал ее согласие на все сделки и на распоряжение всем имуществом. А потом отвез за сотни километров в другой город и, как собачонку, вышвырнул у подъезда ее родителей. Как он сказал им:

---

²³ Лесков Н. С. Некрещеный поп. Собрание сочинений в 11-ти томах. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 6.

«Чтобы поумнела».

Она поумнела. Остановила брата, который в бешенстве был готов разорвать ее супруга на куски. Успокоила родителей. А затем позвонила состоятельному дядюшке и без прикрас все рассказала. Тот, в свою очередь, позвонил адвокату. На следующее утро, пролетев за ночь тысячу километров, я пил чай дома у родителей Розы и слушал ее историю.

Через несколько дней ситуация изменилась. Не в силах вынести приступ вновь возникшей любви, муж Розы начал засыпать ее эсэмэсками и одолевать звонками. Сын вновь воспылал любовью к матери и сообщил, что попал в больницу, отравившись приготовленным папой обедом. А муж сам обзвонил всех ее родственников, клянясь, что больше никогда такого отношения к своей Цирцее не дозволит, и лично прибыл на порог ее родительского дома с огромным букетом цветов...

Виной всему был небольшой текст из суда, согласно которому на основании ходатайства адвоката был наложен запрет на сделки с долей супруга в одном ООО, ценой всего в 5 тысяч рублей, что равнялось половине уставного капитала. Казалось бы, разве может арест столь незначительной суммы повлиять на чувства и коренным образом изменить поведение человека? Может, скажу я вам. Люди меняются, осмысливают свое поведение, роль и место самого любимого, дорогого и близкого человека в своей жизни, особенно когда он начинает претендовать на половину твоей доли в ООО,

которому принадлежит завод.

Да, дорогой читатель, после чаепития я поехал с Розой к нотариусу, который зафиксировал отмену всех ранее выданных ею мужу согласий и полномочий. А затем подал иск о разводе и разделе имущества, введя в качестве обеспечительных мер запрет на сделки с долей, рыночная стоимость которой оценивалась в несколько сотен миллионов рублей.

По итогам суда Роза осталась «разведенкой», дети живут с ней. Свою долю завода она продала состоятельному дядюшке. После чего независимый аудит вскрыл там многочисленные факты мошенничества и хищений. Второй совладелец в настоящее время отбывает наказание в местах лишения свободы. Следствие в отношении бывшего мужа Розы приостановлено, поскольку он скрылся и объявлен в розыск.

Извращенное сознание и чувство собственной неуязвимости частенько играет с их обладателями злую шутку. Известен случай, когда сначала оперативники, а потом и весь следственный отдел скрупулёзно просматривали видео с телефона главаря захваченной банды. Группировка промышляла разбоями и тратила добытые деньги с размахом, например на мегатур по Африке. Он включал в себя следующее развлечение: два огромных негра занимаются групповым сексом с женой главаря, а сам он снимает это действие на телефон. После ареста бандитов видео стало достоянием правоохранительной общественности и поводом для посто-

янного обмена мнениями с коллегами.

Исследователь таких «специфических» типажей Чезаре Ломброзо оставил нам описание подобного извращенца прошлого: «Один граф, который впоследствии оставил все свое состояние одному достойному ломбардскому городу, выдумывал для своей жены, которую очень любил, такие необыкновенные мучения, что они казались бы невероятными, если бы не были официально подтверждены. Он держал ее целые дни обнаженной и замкнутой в шкафу, передавая ей через отверстие самую скромную пищу, или приглашал трубочистов, чтобы они грубо надругались над нею, в то время как он для усиления бесчестия и издевательства бегал вокруг них, играя на скрипке»²⁴.

Как видим, мало что изменилось со стародавних времен до наших дней. И вряд ли изменится.

Хотя иногда такие выкрутасы с женами плохо кончаются. Согласно одной из новелл в «Истории» Геродота, царь Лидии Кандавл, гордясь неопишуемой красотой своей жены, решил показать ее своему телохранителю Гигу. Для этого он разрешил ему подсмотреть, как она, совершенно голая, готовилась лечь спать.

Однако продуманная царица не просто засекала Гига, но и смекнула, кто надоумил его подглядывать. Утром она вызвала его к себе и предложила два варианта действий: либо убить царя, и тогда она будет принадлежать ему как жена,

---

²⁴ Ломброзо Ч. Любовь у помешанных. М.: Попурри, 2004.

либо убить, то есть казнить, его самого. Гиг убил Кандавля, женился на царице и основал династию Мермнадов.

О сем событии осталось много работ знаменитых художников, а также термин психиатрии «кандаулезизм» – потребность демонстрировать другим наготу своего партнёра.

Светлана уехала, а я решил отложить размышления о том, как именно буду действовать, до понедельника. Все-таки на дворе была пятница и друзья позвали нас с женой Татьяной в клуб. Как всегда, вечер пролетел незаметно за дружеским общением и разговорами обо всем. Мы вышли из заведения поздней ночью. Или ранним утром – кому как нравится. Нам с женой захотелось пройтись. Идею предрассветной прогулки из всей компании поддержал лишь Федор, остальные разъехались по домам.

О Федоре надо сказать особо. Происходивший из помещного дворянского рода, сильно потрепанного революциями, войнами и репрессиями в веке 20-м, к началу 21-го Федор остался единственным его представителем по мужской линии. Он осел в Москве, и к вящему огорчению своей мамы, никак не заводил семью и не осчастливливал ее внуками. Мама не знала, что причиной тому была его нетрадиционная ориентация. Женская часть нашей компании дважды пыталась женить его и тем самым вернуть в лоно гетеросексуалов. Да и Федор был, кажется, не против завести потомство, но не смог одолеть свою «страсть». Попричитав о том, какой

экземпляр без толку пропадает, дамы поставили на Федоре крест и приняли таким, каков он есть. Мужская часть, памятуя, что надо осуждать грех, а не грешника, также старалась не заострять внимание на этой его «особенности», благо Федор ее не выпячивал.

Летний рассвет не заставил себя долго ждать, и мы, болтая обо всем подряд, шагали по Белокаменной. В какой-то момент Татьяна поинтересовалась об успехах Федора в личной жизни, и он, на мой взгляд, чересчур подробно стал рассказывать ей о расставании с прежним «другом» и о встречах с новым. В эту минуту мое внимание привлекла человеческая фигура на другой стороне пустынной улочки. Я присмотрелся. Параллельно нам двигался брутальный, короткостриженный детина в спортивном костюме. Очевидно, что он слышал последние несколько фраз, понять смысл которых было под силу даже лицу, не отягощенному интеллектом.

– Федор, не надо делать резких движений челюстью. Прошу тебя, говори немного потише, мало ли...

Мое обращение произвело на воодушевленного и разгоряченного коктейлями Федора обратный эффект, и через секунду я услышал его зычный голос:

– Молодой человек! Да, да, я к вам обращаюсь!

Детина остановился.

– Ну?

– Доброе утро! Вас не смущает то, о чем мы сейчас разговаривали?

– Нет.

– А то, что я – гей, вас не смущает?

Федор, явно возомнивший себя бретером, дразнил верзилу, но потасовка не входила в мои планы:

– Федор, прекрати жантильничать! – я надеялся, что странное слово переключит его внимание. Тут мы услышали голос детины:

– Не смущает. Я сам иду только что из... (и он назвал известный московский гей-клуб).

Мы с женой опешили от удивления. А Федор преспокойно подошел к «соплеменнику», прикурил и перекинулся с ним несколькими фразами. Дальнейшая прогулка сопровождалась нашими с Татьяной попытками вернуть на место отпавшие от неожиданности челюсти и бравирующим стрекотанием Федора:

– Что, удивлены? Так-то! «Наши» люди везде! А знаешь, сколько их, например, в шоу-бизнесе?

Раздумывая над разнообразием мира, я пропускал победно выкрикиваемые Федором имена мимо ушей, как вдруг... стоп! Эту фамилию я, кажется, уже слышал сегодня... Это же фамилия Светланы! А значит... и ее мужа Олега.

– Федор, стой! Ты сказал... (тут я назвал фамилию Олега)?!

– Да, конечно! Он – гей! Только он это скрывает, естественно. Чтобы имидж свой не обрушить. Амплуа же у него – любимец женщин и все такое. Я и «друга» его хорошо знаю,

Василием кличут.

– И познакомить с его «другом» можешь?

– Не вопрос! А тебе-то зачем?!

Моя встреча с Василием состоялась в понедельник. Через несколько дней едва пришедшая в себя от новостей Светлана подписала с обескураженным Олегом соглашение о справедливом разделе имущества.

Безусловно, это был успех. Но еще одна семья перестала существовать. «Если разрушится семья, то низвергнутся государства и извратятся народы», – глаголил преподобный Серафим Саровский.

Когда в такой ситуации я одерживаю победу, то мотив сожаления всегда звучит легкой грустью в бурном праздничном многоголосии.

Подкованная оферта

*Судьба бежит, бежит, и горе тому, кто по лени
или по глупости отстал от ее волшебного бега.*

*Догнать ее нельзя.
Александр Куприн*

Голос Бориса в трубке был, на удивление, взволнованным:
– Гриша, срочно бери билеты и приезжай. У меня тут из-за твоих бумажек восстание.

Зная ничем не пробиваемое спокойствие бывшего боксера-супертяжа, было чему удивляться.

– Борь, что за восстание? Из-за каких бумажек?!

– Мои селяне бунтуют. Из-за тех бумаг, которые ты подготовил. Я разослал им – и вот тебе «здравствуйте». Приезжай срочно. Объясни им, что к чему. Да и мне еще раз заодно. Остальное – не по телефону. И это... возьми кого-нибудь из нашей московской конторы для массовки. Кто там сейчас на хозяйстве?

– Боря, сейчас лето, все в отпусках! «В лавке» из «топов» только Федор, по-моему.

В трубке возникла напряженная пауза. Взаимоотношения Федора (о нем я уже писал в предыдущей истории) с Борисом оставляли желать лучшего. Причиной был нетрадиционный взгляд Федора на взаимоотношения полов и неполное приятие Борисом такой европейской ценности, как то-

лерантность.

– Пользы от него как от козла, ни шерсти ни молока. Больше никого нет? Ладно, его бери, и выезжайте прямо сегодня. С Аркадием я согласую.

Наше бюро обслуживало бизнес Аркадия уже несколько лет. Выходец из южнорусского региона страны Аркадий возводил буровые по всей Сибири. Никаких селян и восстаний не наблюдалось там даже на горизонте. Все это появилось в моей жизни после того, как умер отец Аркадия, и сын, поехав на похороны, неожиданно для себя пробыл в родных краях вместо трех дней две с лишним недели. За это время он, поминая ушедшего отца то там, то тут, спас от прозябания периодически бухавшихся ему в ноги земляков, купив два колхоза, влачивших жалкое существование, небольшой местный заводик, автоколонну и, наверное для комплекта, районную газету.

Все это хозяйство свалилось на компанию Аркадия неожиданной «радостью», и нам работы тоже прибавилось, хотя первоначально мы занимались только подготовкой тендерной и строительной документации для основного бизнеса. Особо доставляли забот бывшие колхозы, где, с юридической стороны, в частности в оформлении земельных паев, конь не валялся.

Мы разработали план по созданию акционерного общества, в котором все наделы жителей аккумулировались и

селяне становились полноправными акционерами. Я, выполняя намеченные пункты плана, еженедельно курсировал между Москвой и «малой родиной» Аркадия. Одним из этапов плана было направление оферт «отказникам», то есть тем жителям, которым прежде мы сами помогли выделить земельные паи распавшихся колхозов и которые теперь категорически отказывались вносить их в «общий котел».

Вожаками этих людей стали обиженные Аркадием бывшие председатели со своими приспешниками. Выгнал он их, кстати говоря, за дело. На заре сотрудничества он созвал совещание, где задал им единственный вопрос: «Сколько вам платить, чтобы вы не воровали?». Заводя глаза к потолку и загибая пальцы, местный топ-менеджмент озвучил суммы, в разы превышающие подобные зарплаты в области. Аркадий согласился. Но, как говорится, дай вору золотую гору – воровать не перестанет. Он выгнал их через несколько месяцев. Независимый аудит показал, что они продолжали воровать.

Тогда-то на горизонте и возник старый друг Аркадия, с которым он прошел школу, армию, спорт, «огонь, воду и медные трубы», – бывший боксер супертяжелого веса Борис. Выдернул его Аркадий из полуподвального клуба, где тот тренировал смену.

Тренером он был сослан, провалив одно поручение. Какое – долго мне не рассказывал, но однажды все же поведал.

Дело было так. Борис отмечал свой день рождения, как

обычно, скромно – у себя в сельском доме, с минимальным количеством приглашенных гостей. По случаю прекрасной солнечно-майской погоды столы накрыли во дворе. Дары Помоны и Флоры – фрукты и цветы – были уже на столе. Царила знакомая всем предторжественная кутерьма, когда на кухне что-то булькает и шипит, дамы носятся туда-сюда с блюдами и тарелками, мужчины курят на воздухе, обсуждая новости, и кто-то постоянно кому-то звонит.

Так получилось, что командировочными гостями в доме Бориса в тот раз были мы с уже упомянутым Федором, который, конечно же, на месте усидеть не мог и деловито занял позицию с другой стороны дома, поодаль от основных людских потоков, за вкопанным под цветущей яблоней столом, откуда усиленно махал мне рукой. Подойдя к нему, я увидел причину странной активности – на столе лежал полный пакет высушенных запрещенных растений.

– Ты где это взял?

– Местные угостили. От щедрот! Ты будешь?

– Нет, конечно! И тебе не советую – мы в командировке, люди кругом!

– Не дрейфь! Я с Борисом согласовал, он просил только по-тихому, а так, может, еще кто подтянется. Слушай, тебе все равно пока делать нечего, помоги, а? – и Федька вытащил из кармана пачку «Беломора».

Почему я согласился – так и осталось загадкой для меня самого, но через несколько минут я сидел с Федором за од-

ним столом, катал папиросные гильзы и увлеченно рассказывал ему, что их диаметр точно соответствует патрону 7,62 мм, а стандартной сигареты – 5,45 мм, чтобы в случае войны моментально начать выпуск патронов вместо папирос и сигарет. И этим соответствие калибров сечениям вполне гражданских «продуктов» не ограничивается. Практически все мужские пуговицы на рубашках имеют тот же диаметр – 7,62 мм, а пуговицы на верхней одежде или 20 мм, что соответствует зенитному снаряду, или 30 мм – таков диаметр многих авиационных пушек. Диаметры сечения стандартной бутылки водки или пива тоже на всякий случай соответствуют диаметру станкового гранатомета (СПГ). Да и при производстве многих других предметов «ширпотреба» учитывается возможность «двойного предназначения». Макаaronная фабрика в любой момент может начать выпускать порох (вот откуда шутка про «взрыв на макаронной фабрике», ведь макаронина по форме точно соответствует стандарту выпуска артиллерийского пороха). Даже обычный кусок хозяйственного мыла по габаритам эквивалентен тротиловой шашке...

Боковая калитка плавно открылась, и перед моим взором возник милиционер, позади которого зачем-то шла лошадь. Серая. В яблоках.

Дальше видео в моей голове кончилось и возникло немое слайд-шоу. То есть непрерывная картинка восприятия разбилась на фотографические фрагменты, а звуки перестали существовать вовсе. Слайды фиксировали глупо раскры-

тый Федькин рот и его выпученный одуревший взгляд то на меня, то на блюстителя закона. Потом в кадре оказались мои собственные руки, ставшие теперь прекрасным образчиком для криминалистической экспертизы. Шоу продолжилось слайдом батареи заряженных папирос-гильз и наполовину рассыпанного полиэтиленового мешка травы. Дальше в кадр неведомым образом попали мои мысли о том, каков объем мероприятия в граммах и в пересчете на срок лишения свободы. А потом понеслась перед глазами вся жизнь... Слова «Не хочу!», как мощная волна, ударились о скалу-вопрос «Что делать?!». И где-то совсем не к месту и не в фокусе носился жужжащий вопрошающий комарик под названием «При чем тут лошадь, ведь я не курил!».

Сотрудник органов внутренних дел и лошадь между тем, пройдя несколько шагов по направлению к нам, тоже остановились как вкопанные. Сотрудник смотрел на представшую его взору красоту, не веря своим глазам, лошадь неодобрительно фыркнула и мотнула головой.

Не знаю, сколько бы продолжалось это всеобщее оцепенение, если бы не голос нашего амфитриона – Бориса, который из-за угла дома позвал меня.

Я очнулся, встал и на деревянных, негнущихся ногах пошел прочь. Федор молча тронулся за мной.

– Э-э-э?! – донесся до нас то ли вопрос, то ли возглас удивления, который придавал нам дополнительную скорость при передвижении.

– Вот ты где! – Борис, увидев мое лицо, перестал улыбаться. – Ты чего? Нормально все?

Он перевел взгляд на Федора и поверх наших голов наконец-то увидел причину серости лиц.

– А! Сергей Иванович! Приветствую тебя, дорогой! Приехал уже? Проходи!

– Ребята, это Сергей Иванович, участковый наш. А это Григорий – адвокат из Москвы. И Федор из головного офиса. Познакомьтесь!

Адвокат из Москвы выдохнул и с жаром пожал руку участковому. Тот, отвечая на шекгенс, улыбнувшись, с хитринкой в глазах спросил:

– Как вам у нас?

– Прекрасно!

– Покурить, значит, собрались? Как же это...

– Да что вы!

– ...такое дело и без меня?!

Я замер. Борис и Сергей Иванович переглянулись и захотали.

Посмеявшись, милиционер стал серьезен:

– Это шутка, конечно. А если серьезно, то Бориса я уважаю, вы – его гости, но прошу: чтобы этого сейчас же тут не было. Хорошо?

Вместо ответа я подтолкнул Федьку, тот развернулся и пошел назад к столу.

– Лошадь зачем? – чтобы занять паузу, спросил я.

– Держим для труднодоступных участков. Когда на машине не проехать, на ней – самое то. И еще я просто лошадей люблю. Вот сегодня перековал. – Милиционер вытащил из наброшенной на лошадь сумки старую подкову и протянул ее Борису. – На счастье. С днем рождения!

– Спасибо, Сергей Иванович! Дай Бог здоровья вам и генеральский чин! Прошу за стол, мы сейчас.

– Хорошо, лошадь привяжу только...

– Ага. Федор! Помоги Сергею Ивановичу. Заодно и познакомитесь.

Когда участковый с Федькой удалились, Борис, вертя подкову в огромных руках, отчего она выглядела сувенирной, проговорил:

– Повезло, однако. Всегда у меня с травой какие-то дурацкие истории. Потому и завязал с ней давно. Я ж из-за нее тренером пошел, когда из движения уйти пришлось.

– Борь, ты о чем?

Борис внимательно посмотрел на меня:

– Общак надо было перевезти. Мне загрузили, я поехал. Ну, дунул до этого немного. По дороге менты тормозят. И что-то они мне подозрительными показались. Я и дал по газам. Они – за мной. С «люстрами», все дела. Четыре машины навертел за собой!

– И все четыре подозрительные?

– Да уж... Но куда деваться, впереди круговое движение. Я – туда, они следом... Еду и вижу: передо мной зад послед-

ней машины, которая за мной гонится. Решил выскочить на трассу, но не повезло – прижали. Тогда хватаю дробовик, выхожу из машины и, передергивая цевье, ору: «Всем лежать!» Менты из четырех машин легли, а один верткий оказался. Сзади подобрался ко мне. Как только я его не увидел?! Приставил «макара» к виску и спрашивает меня язвительно: «Ну что?» Понятное дело: ствол на землю, руки в гору.

Борис замолчал.

– Чем закончилось-то?

– Да чем... Они в отделение поехали. А я – домой, за деньгами.

– Общак не взяли то есть?

– Нет, конечно. Но с меня поимели. Еще и с бонусом за то, что под стволом моим полежали. Да, были времена...

– Ладно, хоть пронесло. Пошли к гостям, стратопедарх ты наш.

– Ты меня с Федькой-то не путай!

– Раньше так начальника над войском называли, а не того, про кого ты подумал.

– А, тогда катит. Пошли.

Несмотря на то, что к сельскому хозяйству Борис имел отношение, как заяц к геометрии, деревенские его уважали.

Во-первых, он не воровал. А красть при неворующем директоре, да еще с пониманием того, что ответственность можно понести мгновенно, было как-то не с руки. Под вли-

анием таких форс-мажорных обстоятельств тотальное воровство прекратилось.

Во-вторых, после развала СССР и приказавшего долго жить советского спорта он успел поработать несколько лет в Англии, то есть был для селянина человеком, приобщившимся к цивилизации, носителем знаменитых европейских ценностей. Это, в принципе, соответствовало действительности, но не полностью, поскольку приобщал к европейским ценностям Борис самих Джонов Буллей, работая вышибалой в пабе портового городка туманного Альбиона. И, надо сказать, немало в этом преуспел, поскольку к моменту прощания с надменными бриттами был уже местной знаменитостью и бригадиром вышибал. Впрочем, в такие мелкие подробности биографии люди из близкого окружения Бори, да и он сам, вдаваться не очень любили, ограничиваясь цитатой святителя Игнатия (Брянчанинова): «Англичане – враги человечества».

И в-третьих, он окончательно завоевал симпатии жителей после случая, который произошел вслед за его назначением. В разгар уборочной один из механизаторов не вышел на работу. Виной всему был любовный треугольник, о котором знало все село. Придя к директору на следующий день, мужик клялся, что такого больше не повторится, и просил его не увольнять. А в объяснительной он честно написал, что «завис» у любовницы и потому прийти не смог. Резолюция Бориса на объяснительной была краткой и стала притчей во

языщех: «Засчитать рабочим днем».

Я набрал номер Федора, заранее понимая, что никакого энтузиазма по поводу поездки собеседник мой не испытает. Однако, вопреки ожиданиям, он невероятно оживился. Скорее всего, ему надоело сидеть в душной летней Москве, и поездку «в поля» он воспринял как развлечение. А может быть, взыграли дворянские корни, и Федька отнесся к ней как к своеобразному «хождению в народ».

Мы условились встретиться на вокзале.

Обычно командировка – это все-таки самолет. Но в данном случае мы выбрали поезд, поскольку уходил он вечером, имелось время спокойно собраться, к тому же от ближайшего аэропорта до места расположения хозяйства Бориса лежал очень неблизкий путь. А в расписании поезда была двухминутная остановка ранним утром на маленьком полустанке, от которого до Бориса было рукой подать.

Нам повезло – в купе, кроме нас, никого не было. Под стук колес Федор пустился в рассуждения о перипетиях жизни.

– От судьбы, что ни говори, не уйдешь. Вот тут мне рассказали недавний случай. Дело было так: водителя-дальнобойщика жрица свободной любви ублажать стала. По-французски. Приспичило им во время езды. Он отвлекся, съехал на обочину и с размаху припаркованную тачку протаранил. Легковушка, понятное дело, в хлам. В ней двое находились, оба сразу трупы. Достали их, а судмедэксперт никак не мо-

жет определить, кто они все-таки: вроде бы мужчина с женщиной, но до конца не понятно – все в кровище... В конце концов определили, что двое мужчин: одному разжали рот и во рту нашли откушенное...

– Что – откушенное?

– Достоинство мужское другого, что! Они, оказывается, на обочине тем же самым, чем плечевая с дальнобоем, занимались. У водителя фуры, соответственно, травма – укус причинного места, у плечевой – сотрясение мозга (странно, что было чему!), а эти – всё!

– Да уж, хоть по причиндалам и мужчина, а на самом деле... – начал было я, но Федор, решив, видимо, поменять направление темы, продолжил:

– Или: на Т-образном перекрёстке «КамАЗ» управление потерял и поехал прямо на женщину, стоявшую на обочине. Она рванула на перекресток и от грузовика сумела увернуться. Так «КамАЗ» в бетонный столб освещения врезался, а тот прямо на эту женщину упал. Тоже насмерть. Так и получается, что в книге судеб написано – тому и быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.